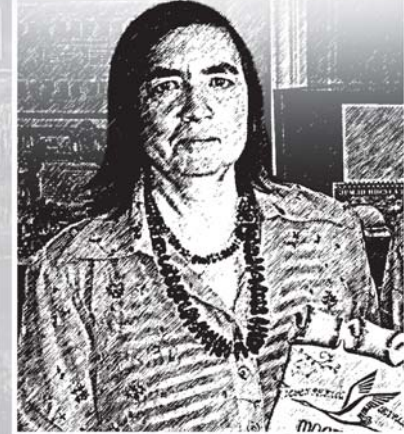


Татяна ХЛЕБЯНКИНА

ПРИТЯЖЕНИЕ
ДУШИ



Книга в альманахе

Талдомские моления
Татьяны Хлебянкиной

*Поэзия вообще, стихосложение в частности,
словесная музыка – это лишь одна из форм,
которые принимает в нашей душе молитва.*

З.Н. Гиппиус

Хлебянкина Татьяна Александровна, член Союза писателей России, член клуба писателей Центрального дома литераторов, председатель комиссии по литературному наследию С.А.Клычкова при СП России, лауреат и дипломант ряда литературных премий, заведующая Домом-музеем С.А.Клычкова в д.Дубровка. Окончила аспирантуру при Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М.Горького.

Дом-Музей С.А. Клычкова – настоящая творческая лаборатория. А его заведующая Татьяна Хлебянкина стала инициатором создания Музея журавля и двух межрегиональных фестивалей: экологического Фестиваля журавля, идущего с 1995 года, и литературного – проходит один раз в два года – авторской поэзии и песни «Серебряный журавль» (проводится с 2005 года).

Умнейшая Зинаида Гиппиус призвала рассматривать любые стихи в качестве тайных молитв. Убедена – лучшие стихи талдомской поэтессы Татьяны Хлебянкиной – это проникновенные моления о любви, о счастье, о душевном спокойствии.

Татьяна Хлебянкина по одной из профессий – провизор, по другой – музейный работник, по третьей – литератор. Она могла бы повторить вслед за Александром Ивановичем Герценом: «Мы – не врачи, мы – боль!» Ибо в ее стихах живет вполне реальная боль – сочувствие к народным страданиям, неизлечимым болезням общества, бросившего строить рыночный капитализм.

Да и отечественную культуру ощущает писательница не как мертвый набор музейных экспонатов, а как родных литературных братьев и сестер, отделенных от нее хрустальной стеной времени.

Дневниковая поэзия Татьяны Хлебянкиной исповедальна. Из стихов талдомской поэтессы мы узнаем о ее жизни все – об ушедших в мир иной родных и сегодняшних друзьях, о небогатой внешними событиями талдомской реальности и напряженной духовной жизни, склонной к философствованию впечатлительной натуры.

Легко преодолевая временные и пространственные преграды, Татьяна Хлебянкина ведет неторопливый диалог с Эдгаром По (вскользь вспоминая его знаменитое стихотворение «Ворон») и Александром Александровичем Блоком (синий плащ Любви Дмитриевны Менделеевой неслучайно встречаем в одном из ее стихотворений), Анной Андреевной Ахматовой, Мариной Ивановной Цветаевой и Евгением Александровичем Евтушенко, с древнекитайским поэтом (Ван Вэем, автором великой книги стихов «Река Ванчуань») и современными американскими литераторами.

Поэзия для одаренной талдомской писательницы – родная, спасительная стихия. В нее Татьяна Хлебянкина прячется от склонных к утилитарному отношению к красоте обывателей – от тех, кто привык из одуванчиков варить варенье.

Поэтесса же предпочитает видеть в золотистых луговых цветах... «тысячи солнц, // что пришли в гости на нашу землю» и вполне достойны того, чтобы чуткие к чудесам земляне «грустно целовали их увядающие лепестки».

Татьяна Хлебянкина отважно предлагает собственные определения сущности современного поэта и

верлибра. И эти определения образны и точны. Судите сами:

*Поэт – это камертон,
улавливающий слова,
звуки и запахи
Вселенной.*

Или:
*Что такое верлибр?
Это интересный поток сознания,
пытающийся найти свои берега.*

Подобно независимой Анне Ахматовой, Татьяна Хлебянкина по-

рой пишет стихи от разных лиц. Присущая личности подмосковной писательницы внутренняя строгость, гордый аскетизм, деятельная духовность наделяют и эти ее стихотворения естественностью интонации, органичностью поэтического высказывания.

Откройте эту книгу стихов на любой странице, и талантливая талдомская поэтесса поговорит с Вами о самом главном – о Боге, о любви, о смерти.

О том, что волнует русскую поэзию уже три с половиной столетия.

Лола Звонарева



1. «Надо, чтоб кто-то кого-то любил...»

ЛЮБОВЬ

Я не могу вместить в Вас свою любовь,
Я не могу вместить ее в эту планету,
в этот мир

И даже в эту Вселенную.
Потому что, если умрет моя любовь,
Умрет целая Галактика
И кто знает, родится ли она
Еще когда-нибудь...
Тихо падает дождь на одинокие звезды.

КОГДА-НИКОГДА

Когда хочется спать,
А рука пишет стихи,
Когда все прекрасно,
А душа не на месте,
Когда, когда, когда
Хочется сказать: никогда...

У меня расцветают розы,
Подаренные Вами,
И на душе становится все радостней —
Будто пришла Весна.
Или придет. Скоро.
Что такое верлибр?
Это интересный поток сознания,
Пытающийся найти свои берега.

Погуляю (под мокрым) дождем,
Постираю (свой синий) плащ
И кончатся, (надеюсь), мои мучения...
(А дождь идет снова и снова...)
и приключения...

ОБВАЛ ВОДОПАДА

Да, вот это обвал:
Опять пошли стихи
И их не остановишь,
Как Ниагарский водопад
Или мой родной Гремячий
У деревни Малинники,
(Родившийся по молитвам
Преподобного Сергия),
Как море цветов рядом с ним —
Разноцветных недотрог с редким
именем,

Которое я никак не могу запомнить,
(Кажется, лунник!),
Как утро, вечер, день, ночь,
Воду, огонь, землю и ветер —
Четыре стихии, подвластные Богам,
Но не мне. Потому и мучаюсь
Здесь – на Земле.

Отлично отдыхаю.

Делаю, что хочу.

Читаю книгу Ван Вэя

«Река Ванчуань».

Погружаюсь в прошлое

на две тысячи лет назад.

Неужели это возможно? –

спросите Вы.

Не знаю.

Но мне это нравится.

(Китайская поэзия – одна из старейших,
самая старая в мире.

Ей – три тысячи лет.)

Как нравится поэзия вообще —

Китайская и русская.

Может быть и мои стихи

кто-нибудь прочитает

Через триллиарды,

сотни и сотни лет...

— Здравствуйте! – Привет!

Я иногда летаю во сне.

Но почему – никогда – наяву?

... Вы же не снитесь мне.

ИЗ ЦИКЛА
«АМЕРИКАНСКИЕ СТИХИ»

I

Даже если наступит март

На меня набегают волны

чужого ритма.

Я читаю американские стихотворения

И пишу свои – не хуже.

А, может быть, лучше.

Главное, чтобы и Вы поверили в это.

Я права, не так ли? Да? Нет?

До свиданья.

Встретимся на планете Мадагаскар

И это будет здорово, если будет

И будет лето, а может осень

Хотя я никогда не знаю, что лучше:

Солнце или дождь?

Нет, пожалуй, снег

Он такой белый и пушистый

воздушный

А каждая снежинка —

кристаллическое чудо

и торжество законов физики.

Она замерзает и тает,

Даже если наступит март.

Ма – Да – Гас – Кар...

II

О Господи! Я напишу сегодня

тысячу стихов

Но ночь коротка.

Ловите одно. Пока.

III

Ко мне прилетело

пять миллионов стихотворений

Я не успевала их читать,

Не то, что записывать.

Они загрузили мою бедную голову,

Оккупировали мозг и

Наслаждались его серым веществом

И бегущими куда-то извилинами

Жаль, что я никогда не увижу это.

А, может, и к лучшему.

Кто бы поверил мне?

... Пиршество Богов в пустыне.

IV

Тексты или стихи?

Никогда не знаешь,

Что выйдет из каждой строчки

И каждой буквы.

Но однако хотелось бы

Побывать на тысячу лет вперед

И снова улыбнуться миру:

«Здравствуй, это я.

Не ждали?»

Как медленно пишет перо

З а в е щ а н и е

V

Лавина. Плотина. Гора.

Комок подступает к горлу

Вместе со стихами.

Но близится ночь и утро

Прощаться пора.

«Брависсимо!» — хотелось бы

сорвать

Напоследок аплодисменты

Или хотя бы дикий скромный

цветок —

Белую Лилию.

VI

О Господи! Я всегда боялась этого:

Как только прочитаю стихи Уитмена

Или что-то вроде того,

Пишу свои и не могу остановиться.

Как странно устроен мир:

Даже муха бьется в резонанс

А мне пора – пора - пора

И Баста —

Обратиться к прозе жизни.

ПЕСНЯ О ЖУРАВЛИНОМ
ТАЛДОМЕ

1.

Легенд о Талдоме немало

На стороне живет родной:

Владели будто им татары,

Когда нахлынули ордой.

Прпев:

Но хорошеет год от года

Изб деревенских ладный ряд,

Живет в любую непогоду,

И клином журавли летят!

2.

Здесь Русь воздвигла чудо-храмы,

Чтоб лился колокольный звон,

И гости к нам святой державы

Спешат на пир со всех сторон!

Прпев:

Пусть хорошеет год от года

На взгорье древний наш посад!

Цветет в любую непогоду,

И клином журавли летят!

3.

В твоих сиренях затеряюсь,

Да и красавиц здесь не честь!

О, как я счастлив, милый Талдом,

Что ты на белом свете есть!

Прпев:

Пусть хорошеет год от года

На взгорье сказочный посад,

И пра-пра-правнуки воскликнут,

Любуясь: «Журавли летят!»

4.

Твои таланты неприметны:

И хлебопёк ты, и кузнец,

Прославлен обувью и медом,

Да и Клычковым, наконец!

Прпев:

Пусть хорошеет год от года

На взгорье русский наш посад

И внуки с гордостью воскликнут,

Любуясь: «Журавли летят!».

Из цикла «Цветы»

ХРИЗАНТЕМЫ

Т.К. и Е.Г.

Три Ваших Хризантемы не увяли,
Хоть много было Солнца и Печали.
Они белы, мой друг, как первый Снег,
Но время продолжает свой разбег,
Роняя и сжигая лепестки...
А образ их – Лекарство от Тоски...
О, память, что пройдет чрез поколения!
Молю: «Пребудь, остановись,
Мгновенье!»
Я в таинстве купаюсь дивных грёз...
...Но встретиться опять не довелось...

ПЯТЬ ТЮЛЬПАНОВ

А.П. Саватеевой

Пять тюльпанов –
с принцем крови во главе –
Пять тюльпанов –
подарили нынче мне.
Пять тюльпанов –
Руки бережно твои
Возрастили. С ними –
сад и огород.
Пять тюльпанов –
пусть цветут же круглый год
В сердце добром,
в нежной памяти моей.
Пять тюльпанов –
добротой любви согрей...

НОГОТОК

Девы Марии цветок –
крохотный ноготок,
Солнышка нежный луч
Нас защитит от туч.
Если и грянет Гром –
С тёплым живым дождём,
С Радугой – до небес,
С Верой – Поля Чудес.

ЛИЛИИ

В день – по букету
Благостных цветов –
Чтоб наверстать, что мне
не додали...
О, Господи! – Достаточно и Лилий...
Трёхлетняя их держит
Божья мать –
С ней Небо посылает Благодать.
Мир празднует
Её во Храм Введение.
И близкое всеобщее
Спасенье.
Грядущие Любовь и Воскресенье.

*Храм Введения Пр. Богородицы
в с. Очево.*

БУКЕТ

О. Дроздовой

О, как же Ваш неповторим Букет!
Чего в нём только нынче нет!
Тюльпанов роскошь – трёх цветов:
Махрово-желтых; я готов
Воспеть и нежный фиолет
И «красный мак» – веселый цвет,
И хрупкость, что нарцисс сковала,
Собой любяся немало...
Прекрасна ярмарка цветов!
И где ж найти мне столько слов,
Чтоб в душах сей расцвел цветник
И каждый к таинству приник...

Никак не начинался майский Дождь...
А после ливнем рухнул на природу.
Промокло всё: леса, Поля и Рожь –
Вот и любви весеннюю Погоду!
Однако же ... как высохла душа ...
Я капли с губ глотаю не спеша...

Н.Двинских

Просили: напиши стихи...
И я весь день стихи писала...
То мне казалось, что плохи,
То получалось слишком мало...
И только к раннему утру
Во мне проснулось вдохновенье.
И я была в чаду, в дыму,
Рождая «чудные мгновенья»...
...Всё это- тлен и суета?!-
Раз мы навек уйдём куда-то?!
А совесть? Честь? А – доброта?!
Они исчезнут без возврата?
Не правда! Нет! Нетленны мы,
Когда в любовь поверим свято!
...А что – года? Года – вода,
Текут себе в моря, к закату...

МОЙ СЕВЕРНЫЙ

Мой Северный, мой – южный,
Мой самый-самый мой:
Зелёный да завьюженный
От лепестков – весной!
Посёлок или город?
А нам не всё ль равно?
Он добрый, он – весёлый
Всем горестям назло!
Он – мудрый, знаменитый
На весь-то белый свет,
И спутники с орбиты
Порою шлют привет
И вышкам поднебесным,
И жителям земли...
А мы опять на «зоне»
Грибов ведро нашли!

С утра украшены дома
Весёлым таинством – зима.
Летят снежинки, следом – смех,
Соединяющий нас всех...

ХОЛОДА

Холода разгулялись
Над Российской землёй...
Замерзает Россия –
Боже мой, Боже мой!
Замерзает Игарка,
Замерзает Иртыш.
Холод болью пронзает
Подмосковную тишь.
И ветра навалили,
И метели, снега...
Всё равно мне Россия
До седин дорога,
Всё равно мы оттаем
И воскресем – с весной...
Холода над Россией –
Не на век, Боже мой!

Я непременно сочиню
Белые стихи,
Посвящённые
Этим лучистым глазам
И Этой прекрасной Улыбке.
Пусть они родятся
Не сегодня и не завтра,
Но непременно родятся.
Улыбнитесь ещё раз,
пожалуйста, мне.
...Спасибо. Теперь
Можно жить дальше.

Когда осеннею порой
От листьев обнажатся ветви,
Я к Вам приду – пока живой,
Вы на один вопрос ответьте...
Он одинаково звучит
У всех, и просто догадаться...
Вот только сердце говорит:
До Вас ему не достучаться...
Каков вопрос – таков ответ...
Как часто убивает: «Нет!»
Как редко воскрешает: «Да!»
...И мы расстались... навсегда.

Любовью растопить снега –
И в холода уже не верить...
Ты так близка и дорога,
Что мне не пережить потери...
И сколько можно всех терять:
Родных, друзей, знакомых,
близких...
И на прощание читать
Обрывки выцветшей записки...
Почти со смертью примирясь,
Сама уйти мечтаю – в осень...
Вот только лужи, снег и грязь...
Вот только страх,
что в сердце носим...
Сумею ль всё преодолеть?
Душа давно на волю рвётся...
Ей, как во сне, лететь, лететь,
Надеюсь, в рай. Но – как
придётся...

Кто любит – глазами,
Кто любит – ушами,
А я – каждой клеточкой чувств.
Когда же я – с Вами
И даже – не с Вами,
Я чувствовать сердцем учусь.
О, как это больно, о, как это –
славно:
Как током удар – каждый взгляд!
Хотелось бы слышать и голос
Вселенной,
И звёзды, что в ней говорят...
И шёпот травинки,
И кванты пылинки,
И море, закат и рассвет...
Хотелось бы слышать
И чувствовать кожей
Мне – вас, если Вас
Рядом нет...

Вы меня убили нелюбовью...
И молчаньем – тоже убивали...
Но как это страшно и как больно –
Скажете – как будто Вы не знали...
Или – как обычно – промолчите
И пройдёте, не заметив, мимо...
В дверь мою – увь! – не постучите
Время и судьба неумолимы...
Только мир покинув, на излёте,
Может быть, тогда меня поймёте
Или, постарев на много лет,
Что назад – увь! – дороги нет...
Вспомните счастливые мгновенья
И о Вас мои стихотворенья...

Я у огня согреюсь твоего...
И беды все отступят и заботы...
Как хорошо, что есть на свете кто-то,
Не бросивший меня здесь одного...
Я у огня воскресну твоего,
У тёплой, русской, деревенской
печки...
А ты затеплишь у иконы свечки
И разольёшь нам на помин вино...
Я у огня согреюсь твоего...
Подарят нам надежду и улыбки
Синички за окном, а в банке – рыбки
Забьётся сердце, как давным – давно...
Я у огня согреюсь твоего...

Позвоню Вам, если станет грустно...
Поделюсь страданием безыскусно
И тоской Вселенской и бедой –
Будто Вы побудите со мной...
Голос Вам утешит и встревожит...
Он любить, прощать и верить
может
И друзьям надежду подавать,
И на вирши чутко вдохновлять...
Сочиню, пожалуй, я поэму,
Подарю её Вам, непременно...

Ах, зачем со стихами
я вырвала Сердце?
– Не смогла потому что
словами согреться?!..
Вслед за Данко пошла,
освещая дорогу...
А поможет ли это
распятому Богу?
А поможет ли мне
Сердце счастье найти?
Что же там позади,
Что-то там – впереди...

Истопи, друг мой, баньку по- черному
И попариться нас пригласи...
Здесь подружимся и помиримся:
Видно, так повелось на Руси!
С паром в реченьке искупаемся,
Дух почуем лесной да грибной
И пройдемся всей дружной
компанией
Нашей талдомской стороной...
И рассвет встретим добрый над
Хотчею,
И проводим до дома закат...
Слушать пень соловья вечно хочется –
Жаль, что годы так быстро летят...

Б.С. Галкину

Что светит там?
Фонарь, луна?
Душа раздумия полна...
Лежу, мечтаю...
Вдруг – звонок...
– Кто б нынче потренировать мог?!
Суббота, сумрак, выходной...
Глазам не верю: боже мой!
Борис Сергеевич, мой свет!
Сам Галкин!
И сомнений нет!
– Раздался в трубке
Голос Твой...
Суббота... сумрак... выходной...

Эпиграф из автографа на книгу
«Окно выходит в белые деревья»:
*«Татьяна Хлебянкиной –
с нежностью и желанием
приехать в Талдом.
Е. Евтушенко январь 2007 г.»*

Как будто розов был закат,
Как будто весел...
Но не хватало мне тебя,
А также – песен!
Хотелось руки целовать
И даже губы!
Но вот нужна ли я тебе,
Нужна ли, любовь?
Нужна? А, может, не нужна –
Совсем не знаю...
Возьму ромашку – и тогда
Нам погадаю...
Ах, что она с тоски соврёт –
Всему поверю...
Но не хочу я пережить
Твою потерю...

С ума схожу от красоты...
Струится осень золотая...
И астры нежные цветы
Голублю, сердцем тихо тая...
Так долго светится теплынь,
Так сладко длится бабье лето,
Что кажется – из всех глубин
Душа до доньшка прогрета...
Но нет свидания с тобой,
Хоть мы и на одной планете...
Ты – за таинственной чертой,
А я – одна на белом свете...

Всё больше морщин,
Всё меньше причин
Остаться на свете...
Опять ты – один,
Опять я – одна,
Меж нами лишь ветер...
И, кажется, вновь
И, кажется, в ночь
Уже нам не сбываться...
Что это? Печаль?
А, может, любовь?
А, может, всё – снится...

ПРОСТИТЕ

Простите – за любовь,
За нелюбовь – простите
И все мои грехи
За дерзость лишь сочтите...
Простите, что ждала,
Что верила, всё знала...
Простите, что я Вас
Так быстро потеряла...
Простите – за вчера,
За то, в чём не признаться...
Простите... до утра
Так страшно расставаться...
Простите ...хоть во сне...
Простите – не – живую...
Я где-то в полутьме
Вас тихо поцелую...
Простите за испуг
И за седые нити...
Простите, если мо...жете...
Не можете – простите...
Простите за любовь...

8-9 марта 2008 г.
Прощеное Воскресенье

Евгений Александрович,
пожалуйста к нам в гости...
Евгений Александрович,
дела свои все бросьте...
Скучаете ль по Талдому?
А нам смурно без Вас...
Что делаете, Женечка,
с кем дружите сейчас?
Стихи какие – пишете?
Проектов – громадьё!
Как дышите и слышите ль
Сердечко Вы моё...

Так просто: предать,
Не помнить, забыть...
Как будто бы вдруг
Перестала я быть?!
И не было встреч,
Свиданий, признаний...
...Не будет и горечи
расставаний...

Вселенную зарифмовать
Пришёл Мессия...
А Вы смогли б Его спасти,
Хватило б силы?
Пусть ополчится против Вас
Всё зло и серость –
Достало б только в этот час
Добра и Веры.

Кажется, меня расколдовали.
Кто и зачем – не знаю.
Надолго ли – тоже.
Еще одной тайной
в мире стало больше.
Главное, вовремя проснуться
Или – уснуть.
Какой мир реальней –
Неизвестно.
Наверно, тот, где лучше
Душе.

Я И ТЫ

Вам хорошо...
– А Вам?
Если не хватает тетрадей для стихов,
Если каждый день
дарят букеты цветов.
Если оживают родные и близкие,
Хотя бы в памяти,
Значит, жизнь прожита была на зря.
Заря.
Как фантастично розовеет небо!
Уходят печали и заботы,
И погружаешься в сказочный мир
Веры. Надежды. Любви.
Доброты.
Все правильно. На Земле
Я и ты.

ПЛАВАНИЕ В ВЕЧНОСТЬ

Не лукавьте с собой.
Это плохо кончится
После Дня не наступит Ночь
Или – наоборот.
Так-то.
А в саду цветут вишни.
А где-то уже осыпаются лепестки,
Но это неважно,
Если вовремя напиток прекрасным
И запечатлеть его в своей памяти, то
В одну реку войдешь дважды.
На корабле подняли паруса
Штиль? Шторм?
Семь футов под килем!
Так далеко до Солнца
Нам еще плыть и плыть
В Вечность, в Вечность,
в Вечность...

СУЩНОСТЬ

Как странно устроен мир!
Мы быстро приходим
и быстро уходим,
пытаясь что-то оставить после
себя.
Теперь я знаю, что:
СУЩНОСТЬ.
У Вас она – в детях,
у меня – в стихах.
Что лучше?
Все – прекрасно,
Если будет и дальше
вращаться Мир,
А не улетит в другую
Галактику
Как секстиллионы лет назад,
Забыв про все на свете.
...Мы – снова – дети.
Улыбнитесь, пожалуйста. Мне.
Так-то лучше.
Санта Мария...
Спасет ли Христос нас?
Не знаю.
Как запотело Стекло Вечности.
Больно. Или уже нет? –
Если меня – нет.

Неужели наступит вторник
А за ним быть среде возможно?
И поверить, что в этом мире
Рядом с горем живёт и счастье –
Счастье видеть Вас в новом платье
И ловить нежный взгляд, улыбку,
Прикасясь в мечтах губами
Там, где вы оставяли след
...И чего-то всё ждать в ответ...

Я узнала: ждёт нас вечность,
И она почти что рядом –
Обнимает тихо плечи
И струится синим взглядом...
Я постигла эту тайну
И, наверное, не случайно
Над притихшим зимним садом
Звон несётся погребальный...
Пусть я в Смерть почти не верю
И назло судьбе и страху
Отмыкаю в сон те двери,
Что ведут меня на плаху.
Преклоню колени долу –
Горек путь и тяжек крест.
Звуки ввысь летят, к Эолу –
Но восстал на душу бес.
Он, хвостатый, тоже рядом,
Он, рогатый, бьёт копытом...
Где ж мой витязь ненаглядный?
Сердце, кем же ты убито?

Проблемно очень
без сомненья
Писать стихи
на день рожденья,
Тем более –
не первый раз!
И что сказать?
Люблю я вас?!
Поверите ль?
Не знаю, право...
Но только жизнь без Вас –
Отрава,
Как мир без солнца и цветов,
Без звёзд, без песен
и стихов
Без Талдома и без луны...
А вы так холодны –
Увы...

Я родилась в ахматовской
России,
Я выросла в гагаринской
России.
Пусть с этим кто-нибудь
Из вас поспорит
Но древний космос, что
Открылся в небе
Но этот дивный
Звон колоколов
Меня своей окутывает тайной,
Как городок с названьем
славным – Талдом...
Тай-дом... Мой дом...

Белой пылью при дороге
Приоделись наши ноги.
Пусто и светло кругом...
Входит странник в Божий Дом...
Тихо в угол поклонился,
Тихо Богу помолился,
Из ковша воды наполнил...
...Словно Ангел к нам спустился...

Обо мне в Париже пишут,
Из Италии – звонят.
В Петербурге речи слышат,
В Киеве – благодарят.
Из Твери шлют приглашенье;
Блок и Пушкин в день рожденья
В гости ждут... et cetera...
Александрову – ура!
«Очень – написали – просим
К нам на «Золотую осень»...
Из Америки – пакет,
Благодарность и привет.
В Прагу тоже приглашали,
Жаль, что визу не прислали.
...Только вот молчит Талдом.
Как всегда, он не при чём...

Облепиха жёлтая
И рябина чёрная
Белым снегом-саваном
Нынче занесённые...
Где же их хозяйева,
Где же те радетели,
Что дары осенние
Да с любовью встретили?
...Облепиха жёлтая
И рябина чёрная
Пропадают, бедные,
Снегом занесённые...

ПОПЫТКА ПОДРАЖАНИЯ СОНЕТУ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ПАРОДИИ

«А Вы которое столетье не
замечаете меня»

Л.Н. Шарапова
«Сонет» («Под звёздами,
в краю старинном...»)

В трёх сборниках –
а, может быть, и боле –
Вкушаю сладость Ваших
дивных строк
И заражаюсь поневоле...
Как мир прекрасен, ярко и глубок!
Есть в нём и «Боже движенье»*
И «ветер, солнце и поля...»**
В искусстве – Преображенье,
Сокрыта Новая Земля...
И, отражаясь в акварели,
Летит на крыльях стрекоза,
На грани вечно светотени
Таращит добрые глаза...
Смотрю всё пристальней... Вас нет...
Иль это Ваш автопортрет?

P.S. И повторяю строки эти,
Как заклинанье, Вас маня:
(или забыв про «солнце и поля»)
«А Вы которое столетье
Не замечаете меня?...»

*, ** из стихотворения Л. Шараповой
«Я начинаю всё с нуля...»

СКАЗ О ТАЛДОМЕ

То не ветры веют буйные,
То гудят леса дремучие,
То болота стонут вязкие:
На речушке малой Талдомке
Деревенька подымается –
Семь дворов да к сотне жителей.
Мастерят её-то беглые,
Да творят её всё пришлые...
А старшой – Гаврилко Меншиков,
А другие-то Подъячевы
Да Никитушка Турской...
Много люду православного...
Собрались во славу Божию,
Нарекли деревню Талдомом
(Тай-домом)

Тайным домом – коль по-нашему
Иль «хозяйственным» – так
с финского

Переводят нам историки...
Так вот долго или коротко
Жили люди православные,
Люди добрые, церковные,
Но однажды заскучили вдруг:
Нет им в жизни утешения,
Нет им в жизни светлой радости
Не звучат молитвы Божии,
Не звенят колокола...
И тогда решили миром всем
Написать, подать прошение
Своему отцу духовному
И владельцу сирых душ
Симеону-то Епископу
По Твери и стану Кашину:
«Уж ты, батюшка наш, смилуйся,
дай своё благословение
Церковь строить деревянную
Да во всём-то благолепии,
Дать ей имя в честь Архангела
Михаила, да с приделами
Николая-то Угодника
И пророка Илии».
Отвечает вскоре талдомцам
На прошение Симеон:
«Храм построить – дело Божие.
Рад я вашему прошению

И даю благословение.
Буду сам на освящении». Так деревня наша славная
На речушке малой Талдомке
Стала Талдомом – селом.
И по всей округе славилось
Мастерами да умельцами
Да своей широкой ярмаркой.

ЖИВОЙ ВЫСОЦКИЙ
К 65-летию со дня рождения

Ах, чем бы мне согреться
на этом вираж...
Бермуторно на сердце,
бермуторно в душе...

Вышла раз такая вероятность –
Значит, я возникну вновь и вновь.
Боже мой, какая неприятность
Следует за таинством «любовь».
И пускай мой занавес закрылся,
Всё равно спою вам вновь и вновь
Я живой, я только отлучился –
Мне пожить на звёздах довелось...
Появлюсь неведомо откуда,
И уйду – неведомо куда.
Поборю инфаркт я и простуду –
Вот такая драма, господа.

Н. В. К.

Каким Вас ветром занесло,
с какой планеты?
Поговорим и помолчим...
и всё об этом...
Предзимье или преддекабрь,
иль послеосень...
О чём мы молим или что
у жизни просим?
И всё пройдёт,
как всё прошло –
И так уныло.
И как нам классик говорил,
- Всё будет мило.

Три гвоздики...так нежно
А на улице так снежно...
Три гвоздики...Три феи –
Я вас тихо лелею...

В мире грустно и печально?
Нет любви и доброты?
Чтоб разрушить злые чары,
Подарите мне цветы!
Или пряные гвоздики,
Или нежность дивных роз...
Не страдайте, не ищите –
Подарите, что пришлось!
Я люблю и хризантемы,
И пион, и васильки.
Подарите, подарите,
Мне лекарство от тоски...
Я вдохну их ароматы
И с цветами оживу
И зимой поверю снова в лето,
осень и весну.
Ну, а если будет лето
И цветов хоть отбавляя?
Всё равно цветы дарите,
Без цветов и рай не рай!
Флоксы, астры, георгины,
И левкой, и ноготки...
Эту скромную ромашку,
Что застыла у реки...
В мире грустно и печально?
Нет любви и доброты?
Верьте, рухнут злые чары,
Если дарите цветы!

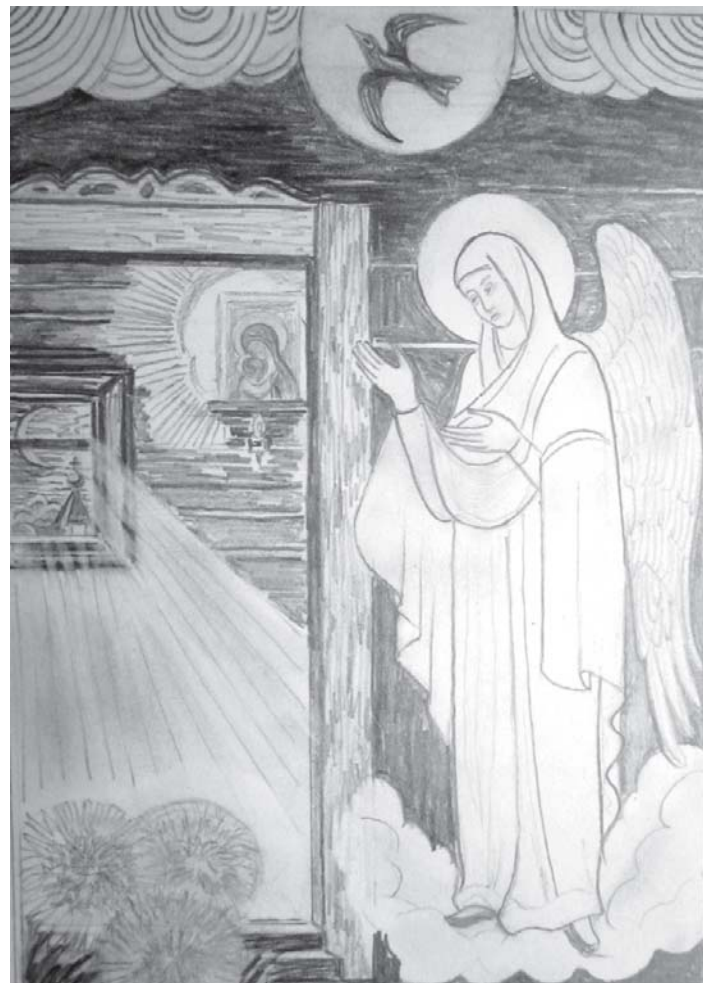
ВОЛОГДА
Вся Вологда – из кружева,
Прилуки – из литья.
Овеяна легендами
Прародина моя.
Курганы да могильники,
Соборы да кресты...
Для сердца нет желаннее
Неброской красоты.
Здесь жили преподобные
Димитрий и Игнат.
Теперь святые мощи их
От бед сей град хранят.
А с фресок Дионисия
Снисходит благодать...
Сияют лики дивные
И плачет Божья Мать...
...Форпост Руси на Севере,
Приют царя Петра.
Ах, Вологда! Ты – ссылкою
И крепостью была.
...Коня стреножил Батюшков
У берега реки.
Рубцов в полях сиротствовал
И плакал от тоски...
Вскормила Вологодчина
Святых, богатыйрей.
Художники и зодчие
Талант дарили ей...
Венчала ты Есенина
И друга родила –
Поэта из-под Коншина,
Архангельска села...
Звать – Алексеем Ганиным.
До возраста Христа
Его распяли нелюди
И смолкнули уста...
Но снова возрождаются
И диши, и мечты.
Ах, Вологда! Прекраснее
В сто крат сегодня ты.
И песни колокольные
Плывут со всех сторон.
С молитвой пробуждается
Старинных храмов звон.
Тобой – не налюбуйешься,

Нет слов, чтоб описать.
О, Вологда – лебёдушка!
Люблю тебя, как мать!
...Вся Вологда – из кружева,
Из бересты, литья.
Москвы она ровесница,
Прародина моя!
25 августа – 1 сентября 2003г.
Успенский пост – Донской иконы
Б.М.

ПОЭТАМ РОССИИ

«Поэт в России больше, чем поэт» –
Как колокол, звучат слова простые.
Тогда лишь Дух Святой живёт в России,
Когда Поэт в ней больше, чем поэт.
Пусть он эпохой возведён на Крест
И неизвестен путь к его могиле...
Поэт в России больше, чем поэт.
Поэт – Пророк, Поэт – слуга Мессии.
Кричит многострадальный в нём народ
И призывают каяться Святые...
Поэт в России больше, чем поэт,
Поэт рождён, чтоб воскресить Россию –
Погрязшую в неверии, во тьме,
Забывшую и предков, и святых...
Поэт в России больше, чем поэт,
Поэт – народ. Поэт – Душа России.

2. «Талдомские моления»



ОДА ТАЛДОМСКОМУ БЛАГОЧИНИЮ

Кольбель наша – сердце России,
Среди холодных снегов и болот...
Но дарует господь веру, силы,
За собой в путь тернистый ведёт.

Воздвигает часовни и храмы,
Колокольни, кресты, купола,
Чтобы с Богом в Российской державе
И душа, и земля ожила.

Александров, Корчева, Калязин,
Дмитров шлют покровителей нам.
Замиряются гордые князи,
Преломив хлеба плоть пополам.

И звучат колокольные звоны
Над Владимиром, Тверью, Москвой
И встают под Христовы знамёна
Православные с верой святой.

20-21 ноября 2000 г.
Архистратига Михаила
г. Талдом

МОЛИТВА

В Храм войду, затеплю свечи,
Помолюсь усердно Богу...
Может быть, Он нас услышит,
Может, выйдет на подмогу...
Помолюсь за всех убогих,
Помолюсь за сирых, нищих...
Что-то ветер на дороге
Так печально, долго свищет...
Что-то ветер на дороге
Мир позёмкой заметает...
А Душа стремится к Богу
И неслышно, скорбях – тает...

Тысячи русских церквей –
Звёздных крестов над Россией...
Здесь – причащали друзей,
В той – с похорон голосили...
В ближнюю тихо войди –
Предков откликнутся души...
Возглас раздастся «Вонми...» –
Значит, внимательно слушай...
Каждый. Пусть малый очаг,
Город, погост и селенье
Строили – с Верой в очах –
Церковку – Божоявленья!
Или пророка Ильи,
Или – святого иного,
Чтоб на просторах Земли
Божье рождалось Слово...

У ИКОНЫ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ «УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ»...

Утоли моя печали, утоли...
Дай мне, Божья Матерь, Веры и
Любви,
Дай мне Мудрости, Надежды и
Добра,
Чтоб ещё бы я на свете пожила,
Замолила бы все смертные грехи,
Научилась бы Тебе писать стихи.

7 апреля 2008 г.
Благовещенье.
Прп. Иоанна Лествичника.
Александровский женский
монастырь в с. Маклаково.

После прочтения книги
о старице Сепфоре*
*«Утверди, Господи, сердце мое по
Тебе горети».*

Я шепчу с надеждой: «Помоги мне
скоро
Сердцем возгорети, старица
Сепфора...»
Золотая осень, желтая листва...
Я шепчу в унынье горькие слова:
«Пусть я недостойна и не часто каюсь,
Но дорогу к Богу все ж найти
пытаюсь...»
И молюсь упорно: «Помоги мне скоро
Птичка наша, матушка, старица
Сепфора...»

*18 октября 2001 г.
Празднество свтт. Московским,
предпразднество ап. Фомы*

* Сепфора – в переводе с греческого
«птичка»

Памяти игуменьи Серафимы

Игуменья Серафима...
Время – невоскресимо.
Но – воскресима – Душа.
Крест плывёт не спеша
Над первопрестольной столицей,
Людей просветляя лица...
И в кадрах – из мрака и тьмы –
Опять к нам приходите Вы...
Живую водою поите,
Невидимый подвиг творите...
Игуменья Серафима...
Святая небесная сила...

*Талдом-Москва,
Новодевичий монастырь.*

*Священномученику
Феодору Дорофееву
7(19).06.1885–10.12.1937
и храме Казанской иконы
Божьей Матери*

Страдает божий Храм:
Восходит к небесам
Открытой раной плоть.
Молю: «Спаси, Господь,
Нас, бедных, сирых, нищих
Во злате и рубище,
Кто Веру растоптал
И кто не возроптал,
Кто низвергал кресты
С незримой высоты...»
Здесь мученик святой
Взирал на аналой,
Крестил и причащал,
Молился и венчал,
Прошел свой крестный путь...
Его ты не забудь
И Богу верным будь!

*10 декабря 2001 г.
Иконы Б.М. «Знамение»,
день памяти свщмч. Феодора
Дорофеева*

РОЖДЕСТВО
Свечи. Ёлки. Торжество.
Тихо теплятся лампады.
На душе светло, тепло –
Больше ничего не надо.
В мир рождается Христос.
С верой храм гостей встречает...
(А за окнами – мороз...)
Батюшка благословляет.
То ли певчие поют,
То ли ангелы над нами...
В колокол к вечерне бьют.
Причащаемся – сердцами.
7.01.2005 г.

Рождество Христово

ПАСХАЛЬНЫЙ РЕКВИЕМ

Моим родным и близким

Я могилы украшу цветами,
Я могилы омою слезами...
А Господь рядом с небушка смотрит
И как будто родные вновь с нами...
Положу им на Пасху яичко,
Шоколадных любимых конфет.
И пшеном пусть помянут их птички...
Почему же вас всё-таки нет?
Отцветает пушистая верба
И подснежник выходит вослед...
К нам в скворечник скворцы
прилетели –
Может, это душ близких привет?
...Помяну я их в церкви просфорой
И затеплю свечей добрый свет.
Пусть свидание будет не скоро-
Только в сердце не мерк бы их след...
7 апреля 2007 г.

Пасха

Как звенят колокола –
Динь-дон-бом
Над селом
И спасительный псалом
Бьёт крылом.
Смотрят лики... или лица
Со икон
И, похоже, вечность длится
Мой поклон...
2 мая 2002 г.
Читый Четверг

ИЗ ЦИКЛА «МГНОВЕНИЕ»

«Так долго, друг мой, не живут...»
А смерть опять отсрочки просит.
Презрев надежды и уют,
Свалилась тихо с неба осень...

Душа тоске обручена.
Иные в мире времена.

Во дни Великого Поста
Душа стремится быть чиста.
Откройте Вечности врата...

Всё кладбище люпином заросло.
А правильнее – тихое кладбище.
О, сколько в эту землю полегло!
А впереди – и мы с тобой, и тыщи...

Вы – умираете? – Умрите!
...Как много новых душ в зените...

Скоро-скоро сбросим
мы оковы,
Скоро-скоро улетим

на небо...
Скоро-скоро... В мире
не хватает
Ласки нам, тепла, любви
и хлеба...

Здравствуй, друг мой,
побывавший
У Распятия Христа.
Что ж теперь остальное?
– Суета, маета...

ДОРОГА К БЛОКУ

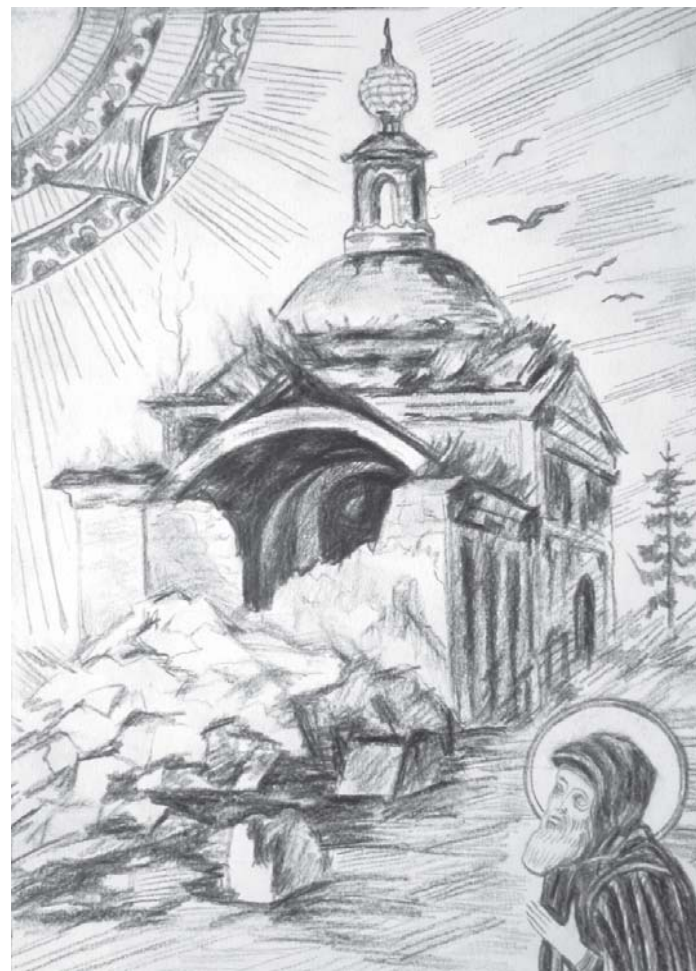
Я не была здесь
со мною
Иль только –
двадцать?
О, Блок!
Не чаяла я к Вам,
Мой свет,
добраться...
Леса, сады,
цветы, поля,
Речушки, зданья...
Спасибо поезду,
что мчит
К Вам на свиданье...
Спасибо люду,
что молчит
Со мною рядом...
(Ну, иногда лишь
подбодрит
Соседка взглядом...)
Всё ближе,
ближе, ближе миг
И час свиданья...
Пишу поэму,
как дневник,
Жгу расстоянья...
А воздух
пахнет огурцом,
В укроп внедрённом...
Горит, горит
Твоя Звезда
За небосклоном...
Меня влечёт
к тебе Святой
Живою силой...
А люди кликали его
Свет – Серафимом...
Он исцелял,
он вдохновлял,
Он гнал болезни...
И был поболе,
чем поэт,
Другим полезней...

Твоя эпоха
с ним сошлась,
Открылись мощи...
Белеют косточки –
но – чьи?
У дальней рощи...
О, сколько мучеников здесь,
В полях России...
А соловьи опять поют
С нездешней силой...

*Талдом-Дмитров-Катуар
1 августа 1999 г. обретение
мощей прп. Серафима Саровского.
В ночь с 31 июля на 1 августа 1937
года был арестован Сергей Клычков
на даче – ст. Катуар, только
по Киевской железной дороге.*

О ПОСЕЩЕНИИ СВЯТЫХ МЕСТ
ПРП. СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Четвёртый удел Богородицы...
Душа сокровенному молится.
Дивеево. Лавра. Весна.
Священнейшая тишина.
Всё замерло: знаки и звуки
И раки касаются руки
И губы... и стынет чело
Близ старца... и сердце взросло,
Надеясь и веруя в Чудо...
А Чудо здесь рядом – повсюду...



ЮРИЮ МИРОНОВУ
(22.02.1959 г. – 9.01.2001)

«Пленял сердца его вокал...»
Отмучился, отпел, отжил!
Неправда! В смерть твою не верю!
Не дострадал, не долюбил...
Как пережить друзьям потерю?!
Пленял сердца его вокал,
И настезь – окна, настезь – двери!
Поёт соловушка – «Кристалл»...
Как жаль, что я так не умею!
Так жаль... ты на костре сгорел
Святом
по имени «Искусство».
И рядом Ангел пролетел
Рождественский
Светло и пусто...
9-10 января 2001 г.

*Светлане Николаевне
Шатохиной*

Когда встречаются миры
И жизнь кончается вселенной
Душа останется ль нетленной?
И где тогда пребудем мы?
...Когда встречаются миры –
То ль в капле крови,
То ль в пространстве...
Душа грустит о постоянстве
Законов, что не знаем мы...
Как страшно рушатся миры...
И суд вершат не люди – Боги,
Душа в надежде и тревоге,
Молиться за неё должны
Пока ещё живые мы...
...Когда пронзаются миры...
г. Талдом
22 ноября 2001 г.
Иконы Божьей Матери
«Скоропослушница»

ПАМЯТИ МОЕЙ
двоюродной тёти
Анастасии Васильевны Чуркиной
(22.12.1912 – 10.06.2001)

Умереть – так в воскресенье,
В Воскресенье, в ВОСКРЕСЕНЬЕ!
В лето, в Первый сенокос!
Да испить медвяных рос –
На Петров последний пост...
Рожь над миром колосится,
Но сомкнула смерть ресницы...
Мама, бабушка... прощай!
Опустел любимый край,
Опустел родимый кров,
Но живёт твоя любовь
В каждом кустике, былинке,
В уходящей вдаль тропинке...
Болью чувств душа полна,
Губы шепчут имена –
Муж Егор... Анастасия...
Внук Сергей и дед Василий
У Егорья на погосте...
Все мы в этом мире – гости...
Господи, благослови!
Жить по вере и любви!
Смерть принять –
как колос – в срок,
причастившись, дай нам Бог!
12.06.2001 г.
Талдом- д.Филиппово-Веретьево

*Памяти
Галины Павловны Лебедевой
(7.01.1940-3.08.2000)*

Ах, лебёдушка сизокрылая,
Ах, Галинушка наша милая!
Взял зачем Господь душу светлую,
Душу добрую – не ко времени...
60-десять годов отдала земле
И пять лет при том пела Господу
И служила всем, чем могла, Ему.
Храму – старостой, хору – регентом

ИЗ ЦИКЛА
«МИРСКИЕ СТИХИ»

*Памяти моей
двоюродной сестры
Лидии Михайловны
Королёвой*

Позвольте, я посвящу
Именно белые стихи
Этой светлой улыбчивой женщине,
Моей двоюродной сестре Лидии,
Которая ушла от нас
В самое красивое время года –
В золотую осень –
И растворилась в ней.
Это было в воскресенье,
22-го сентября,
На другой день после
Рождества Пресвятой Богородицы
И чтимых икон Ея Рождества,
А также Холмской, Курской-Коренной
«Знамение»,
Почаевской, Леснинской и
Домницкой...
Под их покровом
Она тихо почилла,
Никого не побеспокоив,
Одна в своей скромной квартире,
С окнами, выходящими в листопад,
Пытаясь безуспешно согреться...
Но всё было напрасно.
Устало работать измученное
сердце...
А ещё в этот день наступила
Неделя 13-я по Пятидесятнице,
Пред Воздвиженьем,
Попраздненства Рождества
Пресвятой Богородицы,
Праведных Богоотца
Иоакима и Анны.
Анной звали не так давно
Тихо почившую мать её,
Которая одна поднимала
Пятерых детей
В военное лихолетье,
А двоих младших
Не смогла спасти –

Умерли от истощения...
Отец их Иван
Погиб на фронте
Под Ленинградом.
И где-то в лесах,
У деревни Крутиха,
Затерялась его
Братская могила –
Гвардии сержанта
Пулемётного взвода...
А дочь его, Лидия,
С 16-ти лет пошла работать
На швейную фабрику «Юность»
Да так и осталась
Трудиться там
На целых 46 лет,
До самой смерти.
И даже когда болела,
Не брала больничный,
Только говорила:
«Ничего, само пройдёт...»
Шила всё, что давали,
Капюшоны и куртки,
А потом, когда ушла на пенсию,
Работала уборщицей...
Вырастила двоих славных дочерей,
Лену и Олю, да помогала
Нянчить четверых внучат.
Пожалуй, вот и вся её короткая
62-летняя жизнь...
А в день, когда её хоронили,
Было Воздвижение Креста Господня
И ярко светило солнце.
Собралось много родных,
и соседей.
На кладбище, в часовне
Иконы Божией Матери
Всех Скорбящих Радость,
По иконостасу ползла божья
коровка.
«Со святыми упокой», –
Душевно пел батюшка.
Гроб утопал в астрах и гвоздиках.
В нём, на груди покойной,
Лежали две иконки
Казанской Божией Матери...

А у провожающих её
В последний путь
В руках торжественно
Горели свечи.
Похоронили её рядом
С мужем Юрием,
Который умер почти год
Тому назад, 20 октября,
В день празднования иконы
Божией матери «Умиление».
Вот и встретились две души.
Пусть земля им будет пухом...

*Памяти моего отца –
участника боёв под Москвой
и на Перемиловских высотах*

Здесь погиб батальон, батальон...
Выжил ты, выжил я, выжил он –
Только дюжина русских солдат...
Остальные навеки лежат
У не взятых врагами высот...
А героев бессмертие ждёт...
Встанет в бронзе герой, как живой,
Над спасённую русской землёй,
Вверх взметнув, словно стяг,
автомат,
Верный клятве: «Ни шагу назад!»
...Пролетают века и года,
Но стоит на посту он всегда!
Много зим, много вёсн, много лет
И кладу я к подножью букет.

ИВАНЫ

*Памяти моих родных Иванов:
дяди, Ивана Хлебянкина,
погибшего на войне,
и его внука Ивана Зубанова*

«Не нашел Ты себя на земле...» –
О тебе слова, обо мне (!?)
Но коснулась души благодать –
Причастившись Христу, умирать...
Иоанн... Ты в честь деда – Иван –
«Покоритель народов и стран...»
Там, под Питером, стонет ковыль,
Над могилою – звездная пыль.
Но Иванов не кончился род!
Внук и правнук Иванов – живет
На Руси горемычной, святой...
Со святыми нас всех упокой...

Памяти соседа Жени

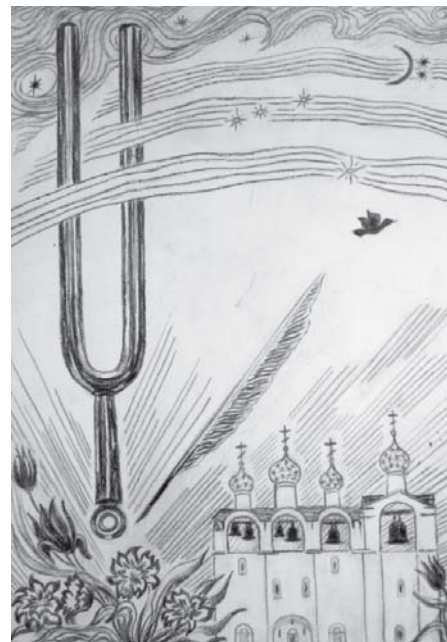
Холодно. Холодно. Холодно
в душе
Нет тебя. Нет тебя. Нет тебя
больше
нигде уже.
Ветер. Ветрило. Ветрище.
Призрачный снег.
Был незаметный среди тысячи
ты человек...
Дом покосился облезший,
Хлопает дверь...
Верил ли ты в Воскресение?
Верил?! – Поверь!!!
Таинство Жизни и Смерти.
Всё – круговерть:
Может быть, скоро меня
выберет Смерть.
Может быть, может быть скоро –
жизни итог.
Что же, помолимся Богу,
чтобы помог,
Чтоб все простил прегрешенья,
Господи мой...
Тихо укроюсь я саваном –
этой зимой...

*Памяти
Николая Волкова*

Как вечны и небо, и звёзды.
Казалось мне, вечны соседи.
Но вот понемногу уходят
В иную обитель они.
Сначала ушла баба Клава,
Затем дед Егор... Потеряла
Я счёт – за последние сорок
Пол-улицы нету в живых...
Но снова рождаются дети,
Но род продолжают их внуки.
Черты я знакомые вижу –
Ушедших – в их лицах опять.
...Не вечны ни небо, ни звёзды...

МАКЛАКОВО

Маклаково. Церковь. Купола.
Домики забытого села.
И рассвет над Хотчею рекой... –
Как картина – жизнь. Святой покой.
Рожь вдали. А рядом – камыши...
Радость обрётённой вновь тиши...
И плывут доверчиво мальки
К берегу проснувшейся реки...
У берёз синеют васильки...
И святой Пасхальный Благовест
Раздаётся весело окрест, –
Снова воссиял над миром Крест!
Июль 1975 – март 1996.



3. «Всё ближе к Пушкину, всё ближе...»

ВЕНОК ПУШКИНУ

На вечеру памяти А.С. Пушкина
Неправда, не верьте, что Пушкин
убит!
Он с нами, он в зале сегодня сидит:
Курчавый, с весёлой смешинкой
у глаз...

Он очень внимательно слушает нас...
Сорвалась дуэль, отказал пистолет
И средство открыли – жить
тысячи лет...

Так здравствуй, брат Пушкин!
Пожалуй в наш край!
Из новых стихов что-нибудь почитай!
...Всё замерло в зале. Очнулась
Душа...
И Пушкин на сцену идёт не спеша,
Похожий на свой знаменитый
портрет...
Жив Пушкин! И вечно жить будет
Поэт!

НА РАССВЕТЕ В ПУШКИНСКИХ ГОРАХ

Покой, приют, уединенье...
Две строчки, шесть – стихотворенье...
Здесь где – то рядом Муза спит,
Не я – она стихи творит,
Свою в них вкладывает Душу...
А мне лишь говорит: «Послушай...».
29 августа 1987.
*Перенесение Нефукторного
Образа Господня.
Феодоровской иконы Б.М.*

ДЕНЬ, В КОТОРЫЙ РОДИЛСЯ ПОЭТ

Пушкин!.. Пушкин – повеса и Гений
Светлых строчек и чудных
мгновений...

На бульваре живёт он – Тверском!
Как добраться к нему? – Ямщиком!
Вы смеётесь... уж поздно...старо...
Лошадей упразднило – метро,
Да и нет на сегодня – увьи!
Даже четверти прежней Москвы...
Но спешите – я вас умоляю,
Но стремитесь – я вас заклинаю
Воскресить в вашей памяти след –
День, в который родился Поэт –
6 июня 1799-го года!

ПУШКИНУ

Пушкину – слава! Не умер он, нет!
Пушкин – сегодня живущий поэт.
Что для него расстоянья, века,
Если всегда гениальна строка,
Если всегда его любит народ,
Если он в сердце народном – живёт!

ПУШКИН В ЯРОПОЛЬЦЕ
В этой комнате Вы пребывали:
Две колонны, тройное окно...
В этой комнате Вы побывали,
Только как это было давно!
Полтора миновало столетья,
Но в сердцах долго помнится след...
Видишь: Пушкин склонился над
Летой,

Что-то пишет потомкам поэт...
Видишь: Пушкин идёт по аллее,
На свиданье спешит к Натали.
Пересуды и толки – стареют,
В нас живёт свет их чистой любви.
С нами рядом живут их потомки
И в труде, и в тяжёлом бою:
Вот горят «мессершмиттов»

обломки –
Кто сбил? – Пушкин! – Я Вас узнаю...
Это Вы нас водили в атаку,
С нами Вы штурмовали рейхстаг
И победной весной, в сорок пятом,
По брусчатке печатали шаг...
Томик Пушкина, пулей пробитый,
Под музейным хранится стеклом.
Пусть он, в мир сей навечно открытый,
Нам расскажет о славном былом...

ПСКОВ
Древний Псков! Свободный,
величавый!
Не склонял врагам свои ты главы –
Всех четырёхсот семи церквей!
Повидал святых ты и царей,
Был могуч на рубеже веков,
Отстоять себя и Русь готов...
Славный град! Счастливая пора:
Вспомни Ольгу и царя Петра!
По твоей бульжной мостовой
Пушкин ездил в гости и домой.
Ты его вскормил и вдохновил,
Ты – источник животворных сил,
Колокол на башнях вечевых,
Мёртвых чтить, приветствуешь
живых,
Из руин, из пепла восстаёшь,
И с молитвой на устах – градёшь!

ИЗ ЦИКЛА «ПУШКИНОГОРЬЕ»
«В стране,
где Сороть голубая...»

Всё ближе к Пушкину, всё ближе...
А тучи ниже всё и ниже...
Они коварны и могучи.
Уйдите прочь..., постойте, тучи!..
Неужто вы гостям не рады?
Встречаете их бурей, градом!
Готовьте лучше угощенье:
Из льда – пломбир, из туч – варенье,
Дожди – ромашки, васильки –
На пристань Сороти – реки.

*Подъезжая к Михайловскому.
Успение Пресвятой Богородицы,
Псково -Печерской иконы
Божией Матери*

ПРОЩАЙТЕ, ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ

Прощайте, Пушкинские Горы,
Равнины, реки и холмы!
Мне сердце разорвали вы:
Его вторая половина
Навеки с вами остаётся,
А к ней другая вечно рвётся.
И встретиться они должны
В краю, где Пушкинские Горы,
Равнины, реки и холмы...
30 августа 1987 г.
*Печерской (Свенской) иконы
Б.М. ,прп.Алипия, иконописца.*

«Родился я и жил поэтом»

Часто музеи рождаются, как люди: трудно, мучительно. Особенно музеи личностей незаурядных, «неавангажированных» властьдержащими, выдающихся писателей и поэтов. «Капля по капле сочится писательская кровь, нежели попадает на писательский станок», - заметил некогда сатирик М.Е.Салтыков-Щедрин. Думается под этими словами с полным правом мог бы подписаться его земляк, расстрелянный 8 октября 1937 г. по приговору НКВД, поэт Сергей Антонович Клычков.

Судьба поэта была трагична и полна необычными событиями, начиная с самого рождения:

«Была над рекою долина,
В дремучем лесу у села,
Под вечер, собирая малину,
На ней меня мать родила...
Ах, верно, с того я и дикий,
С того-то я и дикий,
Как кузов лесной земляники
Меж ягод с игольем хвои...»

Родился поэт в тверской глубинке, ныне это – Московская область, д.Дубровка близ г.Талдома. Вырос в многодетной крестьянской семье старообрядцев.

В своей автобиографии С.Клычков написал: «языком обязан лесной бабке Авдотье, речистой матке Фекле Алексеевне и нередко мудрому в своих косоязычных построениях отцу моему, Антону Никитичу..., а больше всего нашему полю за околицей и Чертухинскому лесу... На литературную дорогу... вышел... случайно: от несчастной любви

Вздумал я было наложить на себя руки, а попал за границу и издал сборник стихов – тоже.

Встретился удивительный человек, Модест Ильич Чайковский, брат композитора, память о котором храню как святыню...»

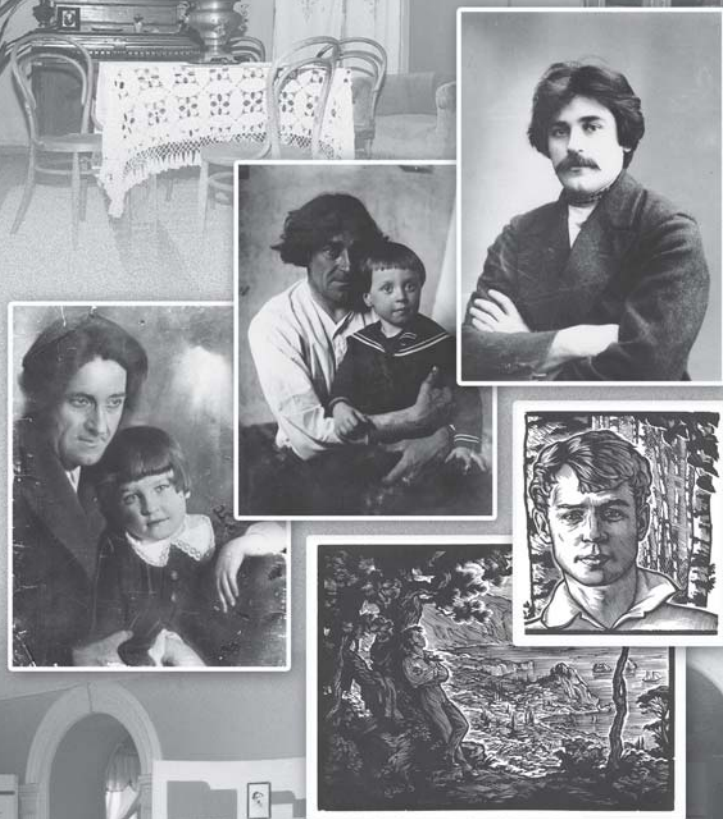
А до этого поэт учился в Москве, сначала в реальном училище И.Фидлера, затем – в Московском университете, но не окончили его за неимением средств. И Клычков продолжал свои «университеты» в окопах первой мировой войны, стал прапорщиком, был контужен.

После Октябрьской революции служил в канцелярии Пролеткульта, сотрудничал в ряде журналов и издательств, таких, как «Красная новь», «Круг», публиковался в «Новом мире», «Красной ниве», «Огоньке», «Недрах» и др.

Стихотворения С.Клыčkова печатались в «Литературной газете» от 13 мая 1929 года вскоре там же 30 сентября публикуется его статья «О зайце, зажигающем спички», а с 21 апреля в «Литературной газете» выходит в свет продолжение творческой полемики – статья С.Клыčkова «Свирепы недуги».

В этих статьях С.Клычков пытался защититься от критиков, типа О.Бескина, называвших его «бардом кулацкой деревни» и ссылался на непреходящий опыт классиков: «по мудрому изречению Пушкина, критика современников – слепая и близорукая старуха».

В то же время С.Клыčkова выступает в защиту родной природы, предостерегая, что «самым Торже-



ственным, самым прекрасным праздником при социализме будет праздник... древонасаждения! Праздник Любви и Труда! Любовь к зверю, птице и ... человеку!

Если мы разучились, так природа сама научит нас и беречь её, и любить, ибо лгать в ней трудно, а разбойничать то преступно, так же, как и в искусстве!».

Оригинальные произведения С.Клычкова – о жизни российского крестьянства из задуманного (вышли только три романа из задуманного девятикнижия «Живот и смерть» и стихи) перестали печататься. Последний из семи поэтических сборников «В гостях у журавлей» вышел в 1930-м году.

С.Клычков вынужден был, по совету М.Горького ценившего его вкус к слову, заняться переводами.

И здесь он преуспел. Интересна его обработка одной из глав киргизского эпоса «Манас», вылившаяся в поэму, «Алмомбет и Алтына», а также переводы с грузинского, башкирского и народных марийских песен. С.Клычков поэтически обработал собранный М.А.Плотниковым в огульский эпос. «Янчал – Маа («тундра», вышедший под названием «Мадур – Ваза – победитель» и считал его выше Гайаваты и Калевалы. Но Клычкова обвинили в плагиате и на страницах «Литературной газеты» выступил профессор Ю.Соколов...Правда, вскоре там же, 29 августа 1933 года было опубликовано постановление комиссии Союза писателей о снятии с Клычкова обвинения в плагиате...

К 1937-му году многие друзья С.Клычкова новокрестьянские поэты были арестованы, погибли в застенках, скоропостижно сконча-

лись при невыясненных до конца обстоятельствах.

Александр Ширяевец, Алексей Ганин, Сергей Есенин, Петр Орешин, Михаил Герасимов, Владимир Кириллов, Павел Васильев, Осип Мандельштам...

Отсиживаясь за границей скульптор Сергей Коненков, томился в ссылке Николай Клюев...

Пробил час и Сергея Клычкова. Он был арестован на даче в Лесном городке (по Киевской железной дороге)... Успел попрощаться с женой и детьми. И канул в неизвестность. Жене сказали, что он получил десять лет без права переписки, и сначала еще жила надежда... Потом в 1956-м году посмертная реабилитация. Вскоре создается комиссия по литературному наследию С.Клычкова, выходят в периодической печати воспоминания о поэте его земляка И.С.Романова, литературоведа П.Журова.

В середине 60-х имя поэта появляется на одном из стендов районного музея г.Талдома.

К 90-летию со дня рождения С.Клычкова впервые проводится литературный вечер, собравший известных писателей, литературоведов, журналистов, почитателей творчества писателя-земляка. Вскоре наконец-то переиздаются книги стихов С.Клычкова: «Стихотворения»,

«В гостях у журавлей» - под редакцией Н.В.Банникова, а затем и проза «Чертухинский балакирь» - автор предисловия и составитель Н.М.Соанцева – ныне уже профессор, защитившая диссертацию по творчеству С.Клычкова.

К 100-летию со дня рождения поэта в местном краеведческом му-

зее открылась выставка «Хотелось бы всех поименно назвать», которая легла в основу экспозиции открывшегося 19 июля 1992 года Дома-музея С.А.Клычкова. Вскоре музею исполнится пятнадцать лет. На земле поэта стали традиционными Клычковские литературные праздники (в июле), Дни памяти поэта (в октябре), деревенские посиделки. Летом прошлого года впервые прошел фестиваль бардовской песни и поэзии «Серебряный журавль».

На первом этаже музея десять лет тому назад открылся единственный в мире Музей Журавля, стали проходить с сентября 1995 г. Журавлиные фестивали, позволяющие всем желающим познакомиться с этой удивительной птицей и заказником «Журавлиная родина», где собираются тысячные предлетние скопления журавлей.

«Милей, милей мне славы

Простор родных полей

И вешний гул дубравы,

И крики журавлей...»

написал поэт Сергей Клычков.

И в наших силах сберечь его поэтическую родину...

«Я ИДУ ЗА ПЛЕЧАМИ С КОШЕЛКОЮ...»

по Клычковским местам
Талдомского края

Тема путешествия, странствия проходит красной строкой через всю жизнь и творчество С.А.Клычкова.

Я иду за плечами с кошелкою,
С одинокою думой своей.

По лесам, рассыпаясь и щелкая,
Запеваает весну соловей.

Попадаю мне странницы,
странники,

Как и я, все идут не пешая,
Зацветают поля и кустарники,

И моя зацветает душа.

... Под вечернею розовой дымкою,

Когда дремлет весенняя Русь,
Я пройду по селу невидимкою

И у крайней избы постучусь...»
(1913, 1929)

Очевидно, страсть к путешествиям была у Клычкова в крови и передалась по наследству от деда, Никиты Родионовича Клычкова, который частенько уходил в святые места, на богомолье, и даже бывал на святой горе Афон.

Известно, что Клычковы были из старообрядцев австрийского толка, белокриницкого согласия. Их духовный центр, основанный донскими казаками, в селе Белая Криница, что находится ныне на Украине, а до революции он располагался на территории Австро-Венгрии. Возможно, туда-то и уходил дед поэта.

Сам Сергей Антонович мечтал побывать хотя бы на Новом Афоне, «поплакать в ту землю», что и исполнилось в 1929 году.

Ранее со своим другом Петром Журовым летом 1911 года Клычков совершил пешеходную прогулку по Волге: Савелово – Кузнецкое (ныне Конаково) – Клин. А в июне 1913 года с ним же отправился по «Батыевой тропе» в град Китеж (на озере Светлояр).

До этого, весной 1913 года, С. Клычков с Г.Забезинским совершил паломничество в старинный Николо-Пешношский монастырь под Дмитровым. Похоже, что именно об этом монастыре, называя его Николонепестовским «построенным будто еще во времена Калиты, сожженном в татарское иго и обновленном уже Иоанном... Словом – Сергиевскому не уступит!» - писал Клычков позднее в романе «Князь мира» в 1927 году.

Бывал Сергей Клычков и в Италии, служил во время Первой мировой войны в Финляндии, затем - на Западном фронте и в Крыму (в Балаклаве).

После революции с первой женой Евгенией Лобовой жил в Алушке, в Ялте, а в начале 1930-х годов побывал поэт на севере, пытаясь найти следы вогулов как переводчик их эпоса под названием «Мадур – Ваза победитель».

Но больше всего, конечно, Клычков путешествовал и странствовал в юности по родной Тверской глубинке Калязинского уезда.

«В очах - далекие края,
В руках моих – березка,
Садятся птицы на меня,
И зверь мне брат и тезка...
Мне вешний ветер – поводырь,
Попутчиками – тучи,

И я крещусь, как богатырь,
Среди полей могуче...»

(1910 – 1911)

В очерке – воспоминаниях «О родном крае, поэте – писателе – переводчике Клычкове Сергее Антоновиче» брат поэта, Алексей Сечинский, рассказывает о своих походах с Сергеем на Дубну, к Боровой мельнице у д. Гусенки, на охоту за тетеревами, утками, глухарями, порой за 8-9 километров. Упоминает он Дубровские места, леса: Чертухино, Глебецево (где родился поэт в малиннике, под Густой Елкой), Потапиха, Осинник, Казенник, Малый мох, Большой мох, Светлые болота, речку Куйменку и др.. Многие из этих мест стали литературными топиками и попали на страницы книг С. Клыčkова, особенно трех его романов (из жизни российского крестьянства): «Князь мира», «Чертухинский балакирь», «Сахарный немец». Действие этих романов разворачивается с середины XIX-го до начала XX века (в окопах Первой мировой войны).

В них упоминает С. Клычков о поповом доме неподалеку от лужайки рядом с «Дубной на пологом уклоне», о дружбе главного героя романа «Сахарный немец» прапорщика Зайчика с Клашей, дочкой отца Никанора... О венчании Петра Кирилыча и Маши (персонажей романа «Чертухинский балакирь») «в немудреной церковенке, стоявшей на отшибе деревянной, главный колокол весил всего сорок пудов».

Похожи по описаниям эти храмы на близлежащие от Дубровок храмы Казанской Божьей Матери (с. Стариково), преподобного Сергея Радонежского (Зятяково), деревянную Георгиевскую церковь с. Веретьева на р. Дубне (построенную в 1778 году).

Напоминают села по описаниям Клыčkова вымышленное им село Чертухино: «на дубенском зелено-муравном крутом берегу встанет в полночь наше большое село Чертухино, разойдутся избы перед глазами по берегу... По-за селом, в стороне из-за ветел и лип, в березах вся, в тополях, поднимет к небу высоко- высоко наша сельская церковь... синих пять куполов, и звезды на них смешаются с звездами в небе...»

И даже сравнивается «темный грудной звон нашего чертухинского колокола и залистый на бабий лад шалтай-болтай гусенской колокольни...»

Среди персонажей С. Клыčkова, связанных с православными местами, «рыжий дьякон с Николына-Ходче» - так назывался в народе один из старейших и обширных храмов в нашем районе – храм Воскресения (известный с 1628 года) с пятью престолами (обновления храма Воскресения Христова, Казанской иконы Божьей Матери, преподобного Сергея Радонежского, преподобного Макария Калязинского, святого благоверного князя Александра Невского).

Другой персонаж, барин Бачурин, основал Александровский женский монастырь в селе Маклаково, куда «богомольцы... сходились в Петровки в старое время без счета...»

Уездный город Чагодуй напоминает нам во многом город Талдом, где есть «Музей местного края», в котором «чего только не собрано с нашей округи... Будьешь в Чагодуде, зайдй непременно, всякая диковина и пустяковина, а главное - медведь налицо!..»

Пишет Клычков и о кладбище, которое в третьем (1923?) году пре-

вратили в парк – действительно, около нашего районного Дома Культуры было местное кладбище, а у ДК «Колос» - старOVERское кладбище. На нем, скорей всего, похоронены предки поэта и бабка Авдотья, попавшая под поезд вместе с лошадыо у д. Рассадники.

Бывал, конечно, С. Клычков частенько и в Талдоме, особенно в базарные дни. Заходил в гости к своей сестре на улице Красина, к знакомым купцам Волковым, Киселевым и их детям, общался с врачом Жардецким, с талдомской интеллигенцией, сживал в «Портельной – трактире расписочно на вынос с миллиардами Ф.К.Киселева», поднимаясь туда по тридцати ступенькам на 2-ой этаж (ныне это здание районной библиотеки). Там же в 1920 году была школа, где проходил вечер чтения стихов с участием

С. Клыčkова и его друзей поэтов В.Кириллова и М.Герасимова...

Сотрудниками Дома – музея С.А.Клыčkова разработаны две увлекательные экскурсии: пешеходная «По Клычковским местам городского поселения Талдом» и автобусная «По Клычковским местам Талдомского края», которые вы можете заказать и совершить незабываемое путешествие в пространстве и времени.

Я не видал давно Дубравны,
Своих Дубровок и Дубны.
Померк ты, свете тихий славный,
От юности хранивший сны!..
Упали древние покровы,
И путь мой горек и суров...
Найду ли я, вернувшись снова,
В сохранности родимый кров?...»
Сергей Клычков.

Т. Хлебянкина,
зав. Дома – музея С.А. Клыčkов
в д. Дубровка

Испытание Пушкиным

Для многих из нас знакомство с Пушкиным начинается с детства. Мы входим в волшебный мир звуков его поэзии, заучиваем наизусть «У лукоморья дуб зеленый...».

Пушкин всегда с нами. Он неотделим от нас. Это живой источник, из которого чем больше пьешь, тем больше хочется пить, при падать к нему снова и снова в радости и в горе, в детстве и в зрелости. Его всеобъемлющее влияние, конечно, не могло не коснуться и наших писателей-земляков.

Может быть, рука судьбы направила Мишу Салтыкова, против его желания, в числе лучших воспитанников в Царскосельский Лицей, где не так давно учился Пушкин, где сами стены были пропитаны духом русской литературы и пушкинской поэзии.

И по праву был он назван преемником Пушкина в своем лицейском выпуске.

Поэтом М.Е. Салтыков-Щедрин не стал, хотя в лицейские годы писал много стихов. До нас дошло 11 его стихотворений, в том числе «Лира», посвященное памяти Пушкина и Державина, напечатанное в 1841 году в журнале «Библиотека для чтения» за подписью С-в:

На русском Парнасе
есть лира:
Струнами ей –
солнца лучи,

Их звукам внимают
полмира,
Пред ними сам гром
замолчит.

И в черную тучу главою
Небрежно уперлась она;

Могучий утес под стопою,
У ног его стонет волна.

Два мужа на лире
гремели,
Гремели могучей рукой;
К ним звуки от неба
летели

И приняли образ земной.
Один был старик
величавый;

Он мощно на лире
бряцал.

Венцом немерцающей
славы

Поэта мир холодный
венчал.

Другой был любимый
сын Феба,

Он песни допеть не успел,
И в светлой обители
неба

Уж исповедь сердца
допел.

Певец тот был славен
и молод,

Он песнею смертных
увлек,

И мира безжизненный
холод

В волшебные звуки
облек.

Угасли. В святые селенья
Умчавшись, с собой

унесли
И лиру, одно утешенье
Средь бурь и волнений
земли!...

За нервные свои прозаические произведения «Зелупанное дело» и «Противоречия» оказался сатирик в ссылке в далекой Вятке. Оттуда ему удалось выбраться только через

7 лет, благодаря хлопотам бывшей жены Пушкина Натальи Николаевны Ланской и ее второго мужа.

«В начале мая 1880 года, в связи с предстоящим открытием памятника Пушкину в Москве, Салтыков выступил с инициативой учреждения «Пушкинского капитала» Литературного фонда. Написанный им проект соответствующего постановления был... утвержден 25 мая 1880 года. Вот текст этого постановления:

«Открытие памятника Пушкину соединило всю мыслящую Россию в общем чувствовании его памяти... Чтобы ознаменовать это народное торжество чем-либо достойным имени великого поэта, комитет общества для пособий нуждающимся литераторам и ученым... постановил: 1) основать неприкосновенный капитал для выдачи пособия на издание замечательных литературных и ученых трудов, которые по недостатку средств не могут быть обнародованы самими их авторами;

2) капиталу этому присвоить наименование Пушкинский. Заявляя об этом, комитет выражает надежду, что настоящее празднество будет торжествовать не только для памяти чествуемого поэта, но и для всей русской литературы...»

(С. Макашин. «Салтыков-Щедрин». Последние годы. 1875-1889, М., Худ. лит. 1989, стр. 100-101).

И хотя в последствии М.Е. Салтыков-Щедрин не любил когда ему напоминали о стихотворных грехах его молодости, он оставался тонким знатоком и ценителем хороших стихов.

Знал об этом и Сергей Клычков, который ссылается на мнение Щедрина в своем романе «Сахарный немец».

Сам же Сергей Антонович, по воспоминанием его сестры, Веры Антоновны, по воспоминаниям его сестры, Веры Антоновны, имел в своей библиотеке книги и Пушкина, и Щедрина. Любил он, когда после трудового дня семья Клычковых собиралась в травяной беседе за чайным столом, читать «Купца Калашникова» Державина, «Сказку о царе Салтане» Пушкина, «Нос», «Тарас Бульба» Гоголя и другие (по воспоминаниям брата С. Клычкова-А. Сечинского). Читал он артистически. И в своей «полемической статье» «Лысая гора», опубликованной в журнале «Красная новь» №5 за 1923 год, С. Клычков неоднократно ссылается на Пушкина, делая вывод о том, то в искусстве все-таки ценно и останется жить только то, что прекрасно и просто.

О любви С. Клычкова к творчеству Пушкина говорят и его ответы на анкету журнала «Книга о книгах» к 125-летию со дня рождения А.С. Пушкина»

1. *Как вы теперь воспринимаете Пушкина?*

- Чувство влечения к Пушкину, любви к его поэзии – как чувство голода, жажды: почти физическое чувство. В разгаре футуризма и поэтического атеизма Пушкин для меня всегда был образом утешения, успокоения и надежды – надежды, что вся эта шумливость, заносчивость нелепости, самоуверенная простота и бездумье – пройдет без следа и заметы в сердце человечества. Если мы еще не вилотную подошли к Пушкину, то это будет завтра.

2. *Какую роль вы отводите Пушкину в судьбах современной и будущей русской литературы?*

- Сейчас на нем будут учиться, подражать его стилю, удивляться его поэтической манере – завтра литература будет жить Пушкиным.

3. Как дать Пушкина современному русскому читателю?

- Издать Пушкина для народа.

Сергей Клычков.

Ответы на анкету печатаются по публикации в журнале «Книга о книгах», М., 1924, №5, июнь. Автограф хранится в ЦГАЛИ.

Журналом было разослано 200 анкет, получено 27 ответов, в том числе от С. Есенина, П. Когана, В. Львова-Рогачевского, Вяч. Полонского, Д. Фурманова и других. «Кажда́я анкета, - писал журнал, - есть в сущности, испытание не только того, что служит темой анкеты, сколько самих анкетирзуемых».

Мне кажется наши земляки-писатели с честью прошли испытание Пушкиным. И вечно будет жить наша и их любовь к Пушкину и к России.

А. Блок и С. Клычков

(«Я, как ты, дитя дубрав...»)

Одним из первых исследователей, разрабатывавших тему «Блок и Клычков», был друг Клычкова по Московскому университету Петр Алексеевич Журов. И этому имелись любопытные предпосылки...

Из воспоминаний П.А.Журова «Две встречи с молодым Клычковым» следует, что одной из причин отчисления Клычкова из университета была ремарка на его прошении об освобождении от платы за обучение «филологический путаник», полученная во многом благодаря тому, что он «немало возмущал нашего ментора» [преподавателя греческого языка А.С.Гинзбурга] «почитанием прекрасного поэта» [Блока], тогда как «в преподавательских и профессорских кругах того времени имя Блока было ещё одиозно» [Журов 1971, 149].

В качестве утешения и восстановления справедливости можно заметить, что в начале того же 1911 года у Клычкова выходит его первый сборник «Песни», а в июне в издательстве «Мусажет» сборник «Антология», где семь стихотворений Клычкова публикуются в ряду самых популярных авторов того времени, в том числе и Блока. В письме к П.А.Журову Клычков пишет: «Мне жалко, что ты не читал Антологии; и потому я тебе прилагаю мои стихи оттуда, при этом письме, - я тебе советую её прочесть, все – хорошие Блок, Белый, Иванов...». В этом же письме Клычков поёт гимн Музе: «Любовь моя, солнышко мое, - милая, прекрасная Муза! И как это бог ухитрился создать тебя! Море, горы, звезды и небо, осень и весна – не так чудес-

ны, как Ты – Незримая, Непостижная!»... Ранее из переписки Клычкова с М.И.Чайковским 1910 г. мы узнаем: «В «Альционе» (сиречь в «Мусажете», где будут в Альманахе мои стихи) печатаются самые лучшие силы – как-то: Белый, Садовский, Кузьмин, Блок и многие другие...» (Музей П.И.Чайковского в Клину, ф.2, Б-10, ед.хр.2743). Известно, что Блок был знаком с первой книгой С.Клычкова «Песни», о чем свидетельствует его письмо к А.М.Кожбаткину от 12.03.1911 г.

А когда же сам Клычков впервые появился в северной столице? Из биографии С.Клычкова известно, что его отец и многие односельчане работали в Петербурге и даже имели свои мастерские, как явствует из справочников «Весь Петербург» начала XX века. В воспоминаниях его брата А.А.Сечинского, видимо, также не случайно упоминается Санкт - Петербургское сыскное отделение...Из библиографии Клычкова известно, что уже в 1912 году появляются его публикации в Санкт – Петербурге (в новом литературном альманахе «Аполлон», среди участников которого также Н.Клюев, О.Мандельштам, А.Белый, К.Бальмонт, А.Ахматова...) [Клычков 2000, 626]. Осенью 1912 г. С.Клычков пишет П.Журову: «Что у Вас в Питере? Ходишь на вечера литературные али нет? Городецкого ты встречаешь? Сказывали, что у

него носик стал похож на революционный флаг!» [Клычков 2000, 627]. В начале 1914 г. Клычков в письме обращается к Журову с просьбой: «Напиши мне...когда ты будешь один, тогда я приеду в Питер – у меня затруднение главным образом в квартире...» [Журов 1971, 154]. В августе 1913 года выходит второй сборник стихов С.Клычкова «Потаенный сад». В письме к Блоку, отправленному в ноябре 1913 г., Н.А.Клюев спрашивает: «Как показался Вам отдел «Скорбящая весна» в «Иве» Городецкого, «Потаенный сад» Клычкова, «Осанна» Брихичева? – мне важно услышать от Вас про них...». По воспоминаниям Журова «...Весной 1914 года Сергей приехал в Петербург. Посещал акмеистов..., дружил с Сергеем Городецким; забрался раз ночью на кладовского коня на Фонтанке; отвёз Блоку свою книгу «Потаенный сад» с письмом» [Журов 1971, 151].

В записной книжке Блок отметил: «27 февраля. Днем стихи всё, дома сижу. – От Клычкова книжка и письмо...28 февраля. « Пахнет войной...» [Блок 1965, 210]. В этот же день Блок пишет ответное письмо Клычкову, адресуя его П.Журову «с просьбой передать Сергею Антоновичу Клычкову» у которого поэт жил дней пять по адресу: «Петербургская Сторона, Плуталова ул.6, кв.18. Это письмо сохранилось благодаря Журову, передавшему его в РГАЛИ (ф. 2862, оп.1, ед.68) вместе с другими материалами о С.А.Клычкове. Приведем его текст: «28/11 1914. Спасибо Вам за книгу, Сергей Антонович. Я сейчас очень занят своей работой, боюсь прервать её, а между тем, мне кажется

(по стихам Вашим), что мы люди очень несходные, так что надо привывать друг к другу. Если б это было практически надо, – другое дело; но Вы уже в литературе, так что и помощи моей Вам не надо. Вот по этим причинам я хочу предложить Вам не устраивать такого «нарочитого» свидания, как – то связывающего и Вас и меня. Приведет Бог – и встретимся, не в этом году, так в будущем, не здесь, так в Москве. «Потаенный Сад» я ещё только бегло посмотрел, а «Песни» давно у меня есть, я читал их. Не скажу, чтобы они были мне близки, нет потребности их вспоминать. Поется Вам легко, но я не вижу в песнях насущного. Всего Вам доброго. Александр Блок».

Анализируя творчество Блока и Клычкова, нельзя не провести параллель между названием и содержанием сборника С.Клычкова «Потаенный сад», который поэт послал Блоку, и начатой А.Блоком 6 января 1914 года поэмой «Соловьиный сад». В письме к Ф.И.Благову от 30.11.1915 г. (Блок, 8, 450) он делится сокровенным: «Соловьиный сад» лучше, что у меня есть сейчас... совсем не касается злости дня... Не вступает ли Блок в спор с самим собой, говоря о «ненасущности»? Сравним поэтические строки Клычкова из «Песенки о счастье» («У моей подруги на очах лучи...») [Клычков 2000, 66]:

...Кто на свете счастлив? счастлив, верно, я:
В тайный сад выходит горница моя!..
Счастлив я и в горе, глядя в тайный сад:
В нем зари – подруги, янтари висят,

Ходят звёзды – думы, грусть – туман плывет,
В том тумане сердце – соловей поет...
Как бы «вторит» Клычкову сам Блок:

...А у самой дороги – прохладный И тенистый раскинулся сад.
По ограде высокой и длинной Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный, Что – то шепчут ручьи и листья.
...А в саду кто – то тихо смеется, И потом – отойдет и поет.

(Блок, Соловьиный сад)

Таким образом, хотя очная встреча поэтов в 1914 году не состоялась, продолжалась их поэтическая переписка. В том же 1914 г. выходят «Избранные стихи русских поэтов» в серии тематических сборников, где снова встречаются стихи Клычкова «Странник» («В очах далекие края...») [Клычков 2000, 70] и Блока «Осенняя воля», «Россия», «Русь».

А состоялась ли очная встреча поэтов? Есть два свидетельства, подтверждающие это. Одно – первой жены С.Клычкова, Е.А.Лобовой: «Он (Клычков) приехал в то время, когда началась смута, наши побросали оружие и бежали с фронта (в феврале 1917 г.)...Навестить меня (в Москве) Сергей из любопытства катнул в Ленинград и расхаживал с Блоком по Невскому. Его там видели и впоследствии...поставили в вино, заподозрив в чем – то уже при Сталине при аресте» (РГАЛИ, из фонда П.Журова: ф.2862, оп.1, ед.хр.38). В личном деле С.Клычкова, хранящемся на Лубянке, имеются воспоминания

И.Н.Гронского: «С прозаиком и поэтом С.А.Клычковым я познакомился еще до революции 1917 года. Но встречались с ним довольно редко. Встречи, как правило, происходили на квартирах литераторов, главным образом А.А.Блока, а позже – С.А.Есенина...С Клычковым в 1917 году я не встречался, а Блок и Есенин мне говорили, что он тяготеет к ним, то есть идет влево, к приятию социалистической революции. Но добавлю от себя – не в большевистском, а в своеобразном половинчатом левонародническом её понимании». Творческие связи А.Блока с новокрестьянскими поэтами начались его общением с Н.Клюевым, продолжавшемся почти десятилетие. Друг С.Клычкова Б. Садовский отмечал: «После бездушной лжепоэзии эстетов из Аполлона и наглой вакханалии футуризма отдыхаешь душой на чистых, как лесные зори, вдохновенных народных поэтов» (см. «Ледоход», Пг., 1916, с.144). Вторил ему и Н.Гумилев, называя в «Письмах о русской поэзии» «крестьянина» Клюева «продолжателем традиций пушкинского периода» [Клюев 2002, II]. Литератор П.Сакулин в это же время писал: «Между ними (новокрестьянами), с одной стороны, Ал.Блоком, Бальмонтом, Городецким, Брюсовым – с другой, оказался интересный контакт. Красота многолика, но едина» (см. «Народный Златоцвет». Вестник Европы. 1916. № 5, с.201). Критик И.С.Ежов отмечал в 20-е годы влияние Блока на Клюева, Клычкова и Есенина. Н.Клюев в «Гагарей судьбине» вспоминал: «Моё бегство из Москвы через Питер было озарено знакомством с Нечаянной Радостью – покойным Ал. Блоком. Простой

и глубокой грустью повеяло на меня от этого человека с теплой редкословесной речью о народе, о его святынях и священных потерях...». Литературовед А.И. Михайлов подмечает, что «безмятежный мир ранней поэзии Клычкова мог напомнить Блоку лишь его собственную, оставленную позади гармонию царства «Прекрасной Дамы», которое уже не могло казаться ему «насушным». Но поэзия Клычкова была зато созвучна другой стороне народной жизни и даже тому же подъему народного самосознания, который наметился в России после 1905 г. В ней воскресала забытая со времен Кольцова поэтизация положительных, светлых сторон крестьянского труда, на что не обратил внимание Блок...» [Михайлов 1990, 38]. В августе 1921 года умер Блок, а в октябре 1937 года был расстрелян Клычков. Но настоящие поэты продолжают жить в своих стихах на просторах родной России. Их поэтическое завещание нам – стихи о родине. И у Блока, и у Клычкова есть стихотворение «Русь» (Блок 2, 272), [Клычков 2000, 164 – 165] («Монастырскими крестами...»). Разделяет их 16 лет (1906 – 1922), а объединяют похожие образы: «с болотами и журавлями» (у Блока) – «В даялах, в высях журавлиный// Оклик: берегись!» (у Клычкова); «Русь опоясана реками» (у Блока) – «За чудесною рекою // Вижу: словно дремлет Русь» (у Клычкова); «Ты и во сне необычайна...// Твоей одежде не коснусь// Дремлю – и за дремотой тайна, // И в тайне – ты почишь, Русь», «Тропу печальную, ночную // Я до погоста протоптал, // И там, на кладбище ночу, // Подожду песни распе-

вал» – Блок, «Только лишние могилы // Сгорбили погост...// Да заря крылом разбитым, // Осыпая перья вниз, // Бьется по могильным плитам // Да по крышам изб» – у Клычкова...

Ещё одна прямая переключка Клычкова с Блоком – через смят лет: «Та же Русь без конца и без края» («Золотятся ковровые нивы», 1914) [Клычков 2000, 121] – почти цитата – «О, весна без конца и без края...» (1907) (Блок 2, 272). Образ пылающей «призрачной Руси» появляется у Клычкова в стихотворении «Улюсь» («Улюсь, Улюсь, лесная речка...») (1922): «Здесь сквозят туман синееют села, // Пылают призрачная Русь...» [Клычков 2000, 134], а у Блока Русь, Россия в стихах и поэмах: «На поле Куликовом» (1908), «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..» (1910), «Скифы» (1918), «Двенадцать» (1918), «Возмездие» и других – то «Русь моя! Жена моя!», то «Святая Русь», то «Россия – Сфинкс», над которой «Победоносцев простер совиные крыла...».

В комиссии по изучению творчества Блока в 1928 году П.А. Журовым был прочитан доклад «Клычков и Блок (характеристика литературных отношений писателей одной школы)». Сохранились тезисы этого доклада, которые актуальны и сегодня:

1. Блок и Клычков принадлежат к одному литературному направлению (романтизм), к одной литературной школе (символизм), и, кроме того, на некотором протяжении в творчестве Клычкова можно констатировать следы влияния поэзии Блока... 7. Оба поэта особенно сближаются в развитии следующих мо-

тивов: а) мотива Руси, воплощение женственного начала; б) мотива первоначальной святости человека; в) мотива прекрасного мира («ино мира»), прекрасной земли; г) мотива мировой скорби, утраты, гибели. 8. Оба поэта на некотором протяжении творчества усваивают и продолжают народную символику и разрабатывают темы фольклора. 9. Следы влияния Блока на поэзию Клычкова усматриваются в начале периода антитезы в творчестве Клычкова, в цикле «Дубравна...» (РГАЛИ, ф. 2862, оп. 1, ед. хр. 5, 6). Если пристально всмотреться в жизнь и творчество Блока и Клычкова, можно найти много общего, применив прием синхронизации во времени и географический анализ их жизненного пространства бытия, не говоря уже об их обширной общей тематике и образцах... «Я, как ты, дитя дубрава...» – отпечатал А. Блок в стихотворении «Болотные чертнятки» (1905), посвященном А. М. Ремизову (Блок 2, 10). Думается, эти строки по праву можно отнести и к Сергею Клычкову. Интересно, что рядом с Шахматовым находится деревня Дубровка – одноименная Дубровка – родине С. Клычкова. Многие исследователи считают, что название «Дубровка» произошло от слова «дубрава». И не случайно один из ранних сборников С. Клычкова назывался «Дубравна»... Интересно отметить, что в ближайшее окружение Блока и Клычкова почти одновременно входили одни и те же поэты: Сергей Соловьев, Сергей Городецкий, Николай Клюев, Сергей Есенин, Анна Ахматова, Надежда Павлович...

Отдельного внимания заслуживает история взаимоотношений

С. Клычкова – Н. Павлович – А. Блока. Тем более, что в этом году – юбилей Надежды Александровны Павлович (17(29).9.1895 – 3.3.1980). Родилась она в Лифляндской губернии, училась на Высших женских курсах в Москве. Дебютировала со стихами в 1911 г. Публиковалась в сборниках и альманахах: «Первый сборник молодых поэтов» (М., 1914) – цикл «Лазаретные стихи» о Первой мировой войне, в которой участвовали и Клычков, и Блок; позже – в сборниках «Сполохи», «Альманах муз», «Записки мечтателей», «Северные дни». Осенью 1918 г. Н. Павлович вместе с Клычковым, Есениным, М. Герасимовым написала сценарий «Зовущие зори». Из воспоминаний Н. Павлович «В Московском Пролеткульте»: «Однажды в литературный отдел Пролеткульта пришли два поэта: Сергей Есенин и Сергей Клычков. Последний был похож на стилизованного былинного добра молодца. И говорил он просто, медленно, с запиночкой, разужоривая свою речь прибаутками; казалось, он подчеркивает, что вот я вроде и темный человек, балакирь, а науку превзошел и Клюева, Белого, Блока и Брюсова знаю, в московском кружке «Свободная эстетика» бывал. Но чувствовалось в нем и что – то простодушное, а главное, уж очень любил он слово как таковое, и вышивал он свою речь этими народными словами, любясь ими, а не собой, потому что был он поэтом по всему своему душевному складу, даже тогда, когда писал свою прозу» [Летопись жизни и творчества С. А. Есенина, 2008]. Н. Павлович общалась со многими известными талантливыми людьми своего времени: П. Флоренским,

В. Брюсовым, после революции – с А. Блоком, о котором она оставила воспоминания и написала мемуары о литературном Петрограде. Была не только поэтом, но и переводчиком, критиком, автором произведений для детей, организатором студии стиховедения в Москве на Молчановке в 1918 году. О близких взаимоотношениях Н. Павлович и А. Блока говорит то, что Блок подарил ей «Добротолубие» в русском переводе (т.1, М., 1883) со своими многочисленными пометами. Вскоре после смерти Блока Н. Павлович выпустила два стихотворных сборника: «Берег» (Пг., Неопалимая купина, 1922), «Золотые ворота» (М., Костры, 1923), которые свидетельствовали о продолжении ею традиций А. Блока в русской лирике. В начале 20-х годов Надежда Александровна становится духовной дочерью оптинского старца Нектария и уже в наше время способствовала возрождению Оптиной Пустыни, которую посещали многие известные литераторы (Н.В. Гоголь, А.Н. Толстой, братья Киреевские, Ф.М. Достоевский, поэт А.Н. Апухтин, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, Е. Поселянин и др.). И Есенин не зря мечтал о «голосе из – под камня Оптиной пустыни...» [Есенин 1920, 33].

Что же общего в духовном плане между тремя поэтами: А. Блоком, Н. Павлович и С. Клычковым? Одним из сближающих моментов является признание ими за идеал образа небесного града Китежа и вера в эту легенду, умение видеть её воплощение в окружающей действительности. Так, в окрестностях Шахматова есть озеро Бездонное, которое можно сравнить со Святым озером

Светлояр, где покоится сказочный град Китеж. В записной книжке 23 июня (именно в эти дни по ст. ст. проходят праздники на озере Светлояре!) 1908 года Блок написал (со слов крестьян): «Ночь на Ивана Купала. Шахматово. В озере под деревней Сергиевской нет дна. Иногда всплывают доски с иностранными надписями – обломки кораблей. Это – отдушина океана» [Блок 1965, 108]. В критической статье «О лирике» А. Блок, рецензируя первый поэтический сборник Сергея Соловьева, отмечает: «Между тем мысль автора «Цветов и лада» витает около того «града, обещанного религиями», «вместо которого, - по его словам, - человечество выбрало *город* – реальное». О пристальном интересе и собственном взгляде на Китеж свидетельствует ещё одна запись после посещения Блоком оперы Н. Римского – Корсакова «Сказание о граде Китеже» (1905): «12 марта 1915. «Китеж» (Мариинский театр) – пугающее кошунство» [Блок 1965, 258]. Из письма А. Блока матери 21 августа 1916 года: «С поля виднеется Пинск, вроде града Китежа – приподнятый над туманом – белый собор, красный костел, а посередине – поменьше – семинария...» (Блок 8, 470). В стихотворении новохристианского поэта Н. Клюева «Пловец» (1908), посвященном А. Блоку, чудится прообраз «Истинного Града» (по Данте), похожего на сказочный Китеж: «И с той поры о дивном крае // Томится падаша душа. // Ей снятся солнечные стены // Нерукотворных городов. // И в ледяном мерцанье пены // Сиянье чудится вендов...» [Клюев 1990, 27]. Пристальное внимание граду Китежу уделяла в сво-

ем творчестве и Надежда Павлович. В стихотворении «Русь! Чужая чуженинка...» она уподобляет Русь заповедному Китежу – граду, мечтая пройти по его тропинкам и гореть, не стояя «там, где Китеж в глубинах спит». И, похоже, для поэтессы стала настольной «книга о тихом Китеже – граде», упоминающаяся в одноименном стихотворении [Павлович 2001, 505]. Позволим себе предположить, что здесь речь может идти о поэме Сергея Клычкова «Китежский павлин», которая была объявлена к печати вместе с другой его книгой «Бова» в 1918 году (как раз в это время С. Клычков и Н. Павлович тесно общались). К сожалению, даже следы этой работы затерялись, хотя о ней упоминает и П. Журов в статье «Две встречи с молодым Клычковым», где рассказывает об их совместном путешествии к озеру Светлояр в июне 1913 года. По его воспоминаниям, там «рассказывались легенды о китежском звоне... читали рукописную летопись о граде Китеже... Сергей слушал, смотрел, спрашивал, запоминал. Раз рано утром он записал на озере сказ о спящей в гробу на городской площади Китежа девушке – красавице. Этот сказ впоследствии лег в основу задуманного им романа «Китежский павлин... Во все время пути... [Клычков] много пел. Любимый его репертуар... «Гармоника, гармоника» (Ал. Блок) (Блок, 2, 280), «Я надену черную рубашку» (Н. Клюев) и духовные стихи: «Град пречудный на Востоке» и стих о блудном сыне». В собрании наследников библиофила, старообрядца М. И. Чуванова (1890 – 1988) сохранилась картина, написанная С. Клычковым, возможно, во

время этого путешествия, с изображением озера Светлояр. После выхода в свет романа Клычкова «Сахарный немец» С. Городецкий в письме от 3.03.1925 г., восторгаясь им, пеняет автору: «Я эти китежи вышвырнул, ты их любишь...» (ф. 1684, оп. 1, ед. хр. 44). «Китежским павлином» называет Клычкова известный литературовед, профессор Н. М. Солнцева. В книге «Китежский павлин» (М., 1992) она отмечает: «Клычкова Китеж притягивал, потому что сам он был китежским, потому что поэзия его была – китежским павлином, дивным древним образом, русским воплощением Вселенной, вечной жизни... Павлин, как чудо природы, как священное животное, виделся Сергею Клычкову символом вселенского творческого таинства, сокровенного, гордого, как Китеж... Клюев исчез – и пава улетела. Пава неудержима. Исчез и Китеж, сохранив за собой славу убежища праведников... Китежский павлин поэзии и прозы крестьян улетел...» [Солнцева 1992, 121–122, 422]. В письме Борису Садовскому (РГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 69) в июле 1912 г. Клычков подмечает: «Вот поэзия: павлин, прекрасный солнечный павлин, распутивший свой жемчужный хвост на грязном дворе... Что было бы, если бы этому павлину выдрать хвост. А ведь, пожалуй, понемногу, понемногу, а выдерут! Умрет прекрасный павлин, смежит павлиньи очи, - роца и земля свернется клубочком и укатится с горки прямо... черту в рот...». Но, как символ духовного возрождения, пролетают весной и осенью журавли над кычковскими Дубровками и блоковским Шахматовым, неся на своих

крыльях поэтические души, и звучит серебряно: «В далах, в высях журавлиный// Оклик – берегись!..» [Клычков 2000, 120]. Творческий диалог поэтов продолжается и сегодня на страницах различных антологий Серебряного века, где вновь встречаются символист и романтик Александр Блок с новохристианским романтиком Сергеем Клычковым и православной поэтессой Надеждой Павлович.

Литература

1. Блок А.А. Собрание сочинений в 8 томах. М. – Л., 1960
2. Журов П.А. Две встречи с молодым Клычковым. //Русская литература, № 2, 1971.
3. Клычков С.А. Собрание сочинений в 2 томах. М., 2000.
4. Путеводитель по фондам Отдела рукописей ИМЛИ РАН. Выпуск 1. М., 2000.
5. Михайлов А.И. Пути развития новокрестьянской поэзии. Л., 1990.
6. Справочник – календарь памятных дат Серебряного века русской литературы на 2002 - 2011 годы. М., 2002, с.44 (о Н.Павлович).
7. Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. В пяти томах. М., 2005 – 2008.
8. Блок А.А. Записные книжки. М., 1965.
9. Сечинский А.А. Очерк – воспоминания «О родном крае, поэте – переводчике Клычкове Сергее Антоновиче». Машинопись, фонды МУ «Талдомский районный историко – литературный музей», о.ф. 872.
10. Есенин С.А. Ключи Марии. М., 1920.

11. Клюев Н.А. Песнослов. Петрозаводск, 1990.

12. Клюев Н.А. Сосен перезвон. М., 1912, репринт – М., 2002.

13. Солнцева Н.М. Китежский павлин. М., 1992.

14. Солнцева Н.М. Последний Лель. М., 1993.

15. Павлович Н.А. В сб.Поэзия серебряного века. В 3 т., т.2. Сост. и коммент. Н.И.Крайневой; биограф. справки об авт. О.Кушлиной. М., 2001, с.497-505, 582

16. Павлович Н.А. В Московском Пролеткульте. В сб.:О Есенине. М., 1990, с.262.

Журавли,
застигнутые вьюгой...

С.ЕСЕНИН И С. КЛЫЧКОВ

Ни Сергей Клычков, ни Сергей Есенин не оставили нам ни своих дневников, ни мемуаров, ни достаточно подробных автобиографий и жизнеописаний.

Очевидно, надо опираться на то, что С.Есенин отметил в заметке «О себе»: «Что касается остальных автобиографических сведений, - они в моих стихах...».

Сергей Клычков в одном из набросков своей автобиографии с иронией отмечал:

«Написать биографию не так-то просто: о том, чего не было, но что непременно Клычков и Есенин ...

Сергий «летний» и Сергий «осенний»...

Родились оба в канун Сергиева дня: в июле – обретение мощей преподобного Сергия Радонежского, в октябре – преставление прп.Сергия Радонежского.

И имена свои получили в честь этого высокочтимого на Руси святого – игумена земли русской, недаром с латинского имя «Сергий» так и переводится – как «высокочтимый»...

Родились оба Сергея в крестьянской заповедной глубинке, один – в Тверской (д.Дубровка Талдомской волости Калязинского уезда - ныне Талдомский район Московской области), другой – в Рязанской (с.Константиново, Кузьминской во-

лости Рязанского уезда). Вспоили их реки привольные Дубна и Ока, впадающие в Волгу, вскормила земля русская, православная...А песни свои подслушали они у родной русской деревни, у золотых берез да багровых осин, у курлычущих журавлей...

«Мне говорила мать,
что в розовой сорочке
Багряною зарей родился я
на свет,
А я живу лишь от строки
до строчки,
И радости иной мне в этой
жизни нет...»
(С.Клычков)

«Родился я с песнями в травном
одеяле.
Зори меня вешние в радугу сви-
вали...»
(С.Есенин)

Была над рекою долина,
В дремучем лесу у села,
Под вечер, собирая малину,
На ней меня мать родила...
... Ах, верно, с того я и дикий,
С того-то и песни мои –
Как кузов лесной земляники
Меж ягод с игольем хвои...»
(С.Клычков)

Осенила поэтов своим покровом
Казанская Божия Матерь, особо
чтимая на земле талдомской и Кон-
стантиновской - там, неподалёку от
колыбели поэтов, выросли её благо-
датные храмы... Недаром С.Есенин
заметил: «Я поверил от рожденья в
Богородицын Покров», а С.Клыч-
ков посвящая одно из ранних своих
стихотворений образу Божией Ма-
тери «Троеручицы», наиболее по-
читаема в родном доме поэта:

«Образ Троеручицы
В горнице небесной
В светлой ризе лучится
Силою чудесной...»
(1910)

Нельзя здесь не вспомнить о старо-
обрядческих корнях и истоках
творчества поэтов...

Не зря их называли поэтами
«новокрестьянскими» (впервые-
В.Львов-Рогачевский, 1919г) и даже
«новохристианскими». Собственно,
само слово «крестьянин» происхо-
дит от слова «христианин».

К этому поэтическому направле-
нию принадлежали ещё, кроме
С.Клычкова (5(17).07.1889-
8.10.1937) и С.Есенина (1895-1925),
их старший брат, поэт Николай
Клюев (1884-1937), а также менее
известные поэты А.В.Ширяевец
(1887-1924), А.А. Ганин (1893-1925),
П.В.Орешин (1887-1938), П.А.Ради-
мов (1887-1967).

Православными образами про-
низано все творчество новохристи-
анских поэтов.

Вслушаемся в строчки Есенина:
«Гой, ты Русь моя родная,
Хаты – в ризах образа...»
В строчки С.Клычкова:
«Тихий свет, лесные зори,
Как оклады у икон...»
В строчки Н.Клюева:

«Сосны молятся, ладан кура,
Над твоей опустелой избуш-
кой...»

И совсем не случайно по своему
вероисповеданию предки их были
староверами (как подтверждают
документы и как утверждали сами
поэты). Так, С.Есенин в январе 1918
года рассказывал Александру Бло-
ку, что происходит из «богатой ста-
рообрядческой семьи», потом гово-
рил литературоведу И.Розанову,
что его дед был «старообрядческим
начетчиком», который знал «мно-
жество духовных стихов наизусть и
хорошо разбирался в них».

Учитель и наставник С.Есенина
поэт Николай Клюев писал своему
ближайшему другу Сергею Клыч-
кову: «Я сгорел на своей «Погорель-
щине» (так называется поэма
Н.Клюева), как некогда сгорел мой
прадед протопоп Аввакум на кост-
ре пустозерском.

Кровь моя волей или неволей
связует две эпохи...»

К сожалению, Сергей Клычков
вспоминаний о своих предках-ста-
рообрядцах нам не оставил. Но вот
что удалось установить, работая в
архивах ЦГАДА, РГИА, собрав
вспоминания односельчан
С. Клычкова и жителей Талдомско-
го края: «Первое упоминание о Дуб-
ровках (в то время деревни Каля-
зинского уезда Тверской губернии,
где родился поэт) мы находим в Ка-
шинской переписной книге 1677
года как о селении из 5 крестьян-
ских и одного бобыльского двора.
Проживало в ней тогда 22 челове-
ка.

По преданию, первыми поселен-
цами – старообрядцами, пришедши-
ми из Сибири, был посажен и могу-
чий вяз на краю деревни. В начале

XX века в Дубровках насчитывалось
5 старообрядческих семей: Михаи-
ла Васильевича и Павла Васильеви-
ча Голубковых, Петра Филиппови-
ча, Владимира Филипповича и Ан-
тона Никитича Клычковых. В
«Тверских епархиальных ведомос-
тях» в конце XIX – начале XX века
упоминается о старообрядцах, жи-
вущих в окрестностях Талдома, к
которым относились и Дубровки.
Сохранились воспоминания о ста-
рообрядцах брата поэта Алексея
Антоновича Сечинского (Талдом-
ский историко-литературный музей,
о.ф. 872): «Наши родители принадле-
жали ... к старообрядцам, а в де-
ревне нас звали «столоверами», поп
был из своих же верующих – полу-
грамотный, но хорошо знающий
церковные обряды.

Старообрядцев в Талдомской
волости было не более 30-40 семей.
В нашей деревне старообрядцев
было пять семей.

Наша церковь находилась в селе
Талдоме, деревянная, маленькая...
Внутренний вид нашей церкви обра-
щал на себя внимание своей строго-
стью икон. На большинстве этих
икон изображения лиц были совер-
шенно затуманены, очевидно вслед-
ствие своей древности».

В своем творчестве Сергей Клыч-
ков неоднократно обращается к
православной теме, размышляя о
смысле жизни, о Боге и о человеке.
Где с трагизмом и болью, как в послед-
них стихах, где – с мягким юмо-
ром, как в романе «Чертухинский
балакирь», рассказывая о «столове-
рах» (гл.3 «Непомерная плоть»,
«Два брата»): «В то время плохо со-
всем приходилось мужикам, отбив-
шимся от православного стада...

Все веры, кроме единой – вера –

венец государства, – были неправые,
и всякий, без особой различки, кто
не по леригии шел, прозывался сто-
ловером, хотя и был христианского
роду и за столом трапезовал, как и
не все же... только со своею посу-
дой...

Да экая важность!..

Это уж больше так – столоверы!
– для ради насмешки и перекобыли-
ли мирские попы...

Дело не в прозвании: сами сто-
ловеры тогда были другие!..

Теперь у них все сошлось, мож-
но сказать, к пустякам: что правиль-
нее – двуперстие ала щепоть, и как
угоднее Богу возглашать – веков
али веком?.. Правду сказать, пустая
это и зрячая штука. Что же Бог те
выходит – дурак!?

Из-за одного из-за этого нечего
зря лезть на рожон... Вера в чело-
веке гораздо глубже сидит!.. Как
перекреститься и как возгласиться –
не все ли равно... Вон теперь как по-
шло: совсем лба не крестят... И
тоже, пожалуй, что и это не в счет,
потому в делах веры важен больше
не то, что в рот, а... что изо рта...

Сказано же: еще Бога любит, а
брата...норовит за воротки... Что
тому бывает?..

То-то!..

Вера в человеке – весь мир.

Убить ее никогда ничем не убь-
ешь!

Разве вот сама она гаснет, как
гаснет лампада, в которую набьют-
ся с ветра глупые мухи, летя из тем-
ноты на лампадный огонь... как
гаснет, может, и... мир!»

Большое внимание вопросам
веры уделял и С.Есенин. Ему было
свойственно христианско-крестьян-
ское восприятие мира, хотя иног-
да с элементами язычества, стрем-

ление к созданию собственного «Евангелия по Есенину», откуда и происходят его богоборчество и богоискательство.

Это нашло отражение в революционных поэмах 1918 года: «Инония», «Иорданская голубица», «Пантократор» и др., во многих стихах: «Наша вера не погасла...», «Душа грустит о небесах...», а также в статье «Ключи Марии», где поэт отмечает, что «существо творчества в образах разделяется также как существо человека на три вида – душа, плоть и разум» и отдает предпочтение Душе и Святому Духу, призывая прислушаться к голосу «из-под камня Оптиной пустыни».

В конце трагически оборвавшегося жизненного пути С.Есенин создает ряд стихов-покаяний, в нем явно возрастает «духовный человек», «ясновидец», побеждающий «скандалиста» и «хулигана» («Мы теперь уходим понемногу...», «Письмо деду», «Мне осталась одна забава...»).

В своих воспоминаниях С.Т.Коненков, известный русский скульптор, ставил рядом имена Сергея Есенина и Сергея Клычкова.

«Два Сергея, два друга – метель да вьюга, – говорил он и называл Клычкова «прекрасным поэтом, предшественником Есенина».

Сам С.Есенин называл С.Клычкова в своей статье «Ключи Марии» «истинно прекрасным народным поэтом», цитировал его стихи:

«Уж несется предзорная конница,

Утонувши в тумане по грудь,
И березки прощаются, клонятся,
Словно в дальний собрались
путь...»

Здесь же С.Есенин замечает: «Он [Клычков] первый увидел, что земля поехала, он видит, что эта предзорная конница увозит её к новым берегам...»

Когда же и где пересеклись их пути? В автобиографических заметках «Нечто о себе» С.Есенин пишет: « В Университете Шаняевского в 1913-14 гг. столкнулся с поэтами. Узнал /.../ Клычкова, Орешина и Наседкина». Скорее всего, он познакомился с

С.А.Клычковым через поэта Дмитрия Николаевича Семеновского (1894-1960), который также, как и Есенин, учился в народном Университете им. А.А.Шаняевского с осени 1913 года. Хотя Клычкова Есенин упоминает дважды в письме к А.В.Ширяевцу от 21.01.1915 года. Из чего становится ясно, что поэты встречались в Москве в те годы. Встречались они в Москве и позднее, даже проживали совместно некоторое время осенью 1918 года, тогда же ездили по творческим делам в Тулу, были одними из организаторов издательства «МТАХС» (Московской трудовой артели художников слова), вместе оказались участниками «Дела 4-х поэтов» в ноябре 1923 года. Были у них и другие московские встречи, совместные выступления на литературных вечерах, например в Доме Печати (13 марта 1922 года) и даже коллективное творчество... Так, они вместе с поэтом М.Герасимовым написали «Кантату» - знаменитое стихотворение, посвященное памяти жертв революции, а вместе с Надеждой Павлович (1895 – 1980) – киносценарий «Звущие зори» в 1918 году.

А вот бывал ли Сергей Есенин в

гостях у Клычкова на его родине, в деревне Дубровки под Талдомом? Оказывается, бывал. И сейчас кое-кто из местных сторожилов помнит о его приездах в Дубровки.

До ста лет жила в деревне ее уроженка, ровесница века, Евдокия Макаровна Гаврилова (урожденная Каблукова, вкстати, о Каблуковых писал С.А.Клычков в своем романе «Сахарный немец»). В детстве она дружила с Верой Клычковой, сестрой поэта, и часто бывала в их доме. Вот что она свидетельствует: «Бывал, и не раз, в Дубровках, в гостях у своего друга, поэт Сергей Есенин, еще до революции бывал, мы тогда девчонками были... Ну, Есенин и Есенин! Раньше и внимания-то не обращали. А он из себя круглолицый такой, молодой, красивый, волосы кудрявые, русые. Роста невысокого, и глаза светлые, вроде как голубые. Бывало, придю я к Вере, а они там наверху на гитаре играют, поют.

Говорила Вера, что стихи оба сочиняют, да у Есенина-то лучше получается...» (подробнее см. Хлебянкина Т.А. «О товарищах веселых». «Заря» - Талдом, 1985, 3 окт.-С.4)

Сейчас трудно сказать с полной уверенностью, что Есенин приезжал в Дубровки в годы своей учебы в университете Шаняевского, а вот о его приездах сюда в послереволюционное время рассказывают современники и родственники С.А.Клычкова. В авторизованном очерке «Книги» местного поэта-самородка Ивана Сергеевича Романова (1888-1965), члена Суриковского литературно-музыкального кружка, мы читаем: «...Как-то коллеги /.../ общили, что в обеденный перерыв в библиотеку [а Романов работал в

ней с начала 1919 года] заходил известный поэт Сергей Клычков – он жил тогда в деревне Дубровки – и спрашивал обо мне. Он оставил два сборника своих стихотворений.

Книги назывались «Дубравна» и «Потаенный сад», обе с дарственными надписями автора /.../. Оказалось, что Сергей Клычков зашел в библиотеку накануне своего отъезда в Москву /.../. Прошло немало времени... И вот как-то в Талдоме после базарного дня старик Клычков сказал мне, что Сергей находится сейчас дома, в Дубровках.

На другой же день ранним утром я пешком отправился в деревню Дубровки /.../.

Встретил меня крепкий, черно-волосый парень с такими быстрыми глазами, что невольно казалось, будто они в упор стреляют в тебя. Это и был Сергей Клычков.

Мы пошли в ту часть дома, которую он занимал. Там я познакомился с книгами его библиотеки. Потом перешли в сад. На большой территории, занятой яблонями, все цвело и благоухало. Перед нами раскинулось целое море бело-розовых цветов, над которыми не смолкало гудение пчел. Недалеко протекал ручей, бегущий к Куйменке.

Сергей Антонович поделился со мной несколькими новостями.

-День тому назад, - сказал он, - от меня уехал Сергей Есенин, а до него гостил молодой художник...» (подробнее см. Романов И. Книги: Авторизованный очерк /Коллективный труд.- Талдом, 1958 г., 4 окт.-С.4).

Сохранилась одна из упомянутых в очерке книг С.А.Клычкова (ныне находится в Талдомском музее). Это сборник «Потаенный

сад»: Стихотворения. -2-е изд. М.:МТАХС, 1918 - с автографом:

«Ивану Сергеевичу Романову
на добрую память от автора
д.Дубровки /а/
1919 г.»

Кстати, этот сборник вышел еще в 1919 году третьим изданием и тоже в издательстве «МТАХС». Оба издания книги были с посвящением Сергею Есенину. Надо отметить также, что вышедший в этом же издательстве в начале декабря 1918 года сборник Есенина «Сельский часослов» был с посвящением «Сергею Клычкову».

Но вернемся к событиям, изложенным в очерке. Итак, Сергей Есенин приезжал в Дубровки, когда цвели сады. В Талдомском районе, на самом севере Московской области, фруктовые сады цветут обычно в 20-х числах мая. Значит, можно с уверенностью сказать, что в конце мая 1919 г. поэт действительно гостил несколько дней у Клычкова в деревне Дубровки. Это согласуется и с воспоминаниями И.С.Романова, и с хроникой жизни С.А.Есенина: в мае 1922-23 гг. он был за границей, в мае 1921 года в Ташкенте, наконец, в мае 1920 года он не мог быть в гостях у С.А.Клычкова, так как отношения между поэтами с начала 1920 года стали прохладными после распада «Московской трудовой артели художников слова».

В письме А.В.Ширяевцу от 26.06.1920 года он писал: «...С старыми товарищами не имею почти ничего, с Ключевым разошелся, Клычков уехал /.../. Где он теперь, не знаю...»

Другое свидетельство о пребывании Сергея Есенина в Дубровках мы находим в воспоминаниях брата Сергея Клычкова Алексея Сечинского (1898-1981).

«...В 20-х годах к Сергею в Дубровки приезжали поэты Кириллов, Герасимов.

В Талдомской школе был устроен вечер чтения стихов. Сережа был в большой дружбе и с Сергеем Есениным, который в 1919 г. был у нас в Дубровках осенью...» (см.: Воспоминания о брате-Клычкове Сергее Антоновиче. 1972, июль; ИМЛИ им. Горького, ф.67, оп. 2, ед.хр.1, л.7).

В Москве жили два троюродных брата Сергея Клычкова Виталий Алексеевич (1910 г.р.) и Валентин Алексеевич (1914 г.р.) Клычковы. Оба родились в деревне Дубровки и жили там до начала 30-х годов. По их рассказам, у них в доме в начале 1920-х гг. снимал комнату бывший рязанский помещик, земляк Сергея Есенина, Леонид Васильевич Матвеев, который в то время возглавлял в Дубровках какую-то организацию по заготовке дров, «Москватоп». Вот к нему-то и заходил Сергей Есенин. Оба умели играть на музыкальных инструментах и однажды организовали с местными жителями концерт на лужайке возле дома, под старым вязом. В памяти Валентина Алексеевича остался другой эпизод о встрече с Сергеем Есениным: «... Я был близким товарищем брата Сергея Антоновича – Аналия Антоновича... Как-то мы играли в городки... Вдруг появился Сергей Есенин с каким-то незнакомцем, по моему, это был Петр Орешин. Увидев нас, играющих, они попросили: - Ребята, примите и нас. Сговорились, Есенин и Орешин попали в

команду, но не мою, и проиграли. Мы должны были кататься на них верхом, а они-«возить». Они – отказались! Мы стали их обзывать это сделать... И тут идет Сергей Антонович Клычков. «Что же вы делаете? Это же Есенин!» Потом они пошли втроем и долго хохотали...»

Конечно, все это детские впечатления, но все же можно допустить, что во второй половине лета 1921 или 1924 года Сергей Есенин еще раз мог побывать в Дубровках.

Невольно возникает вопрос: а нашли ли свое отражение в творчестве Сергея Есенина поездки в талдомский край? Прямых свидетельств нет. Но возьмем стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу...», которое Есенин посвятил Сергею Клычкову. Датируется оно сентябрем-декабром 1921 года, а опубликовано впервые в журнале «Красная новь». М, 1922, март-апрель. № 2. С.А.Толстая-Есенина, жена поэта, указывала в комментарии: «Есенин рассказывал... что это стихотворение было написано под влиянием одного из лирических отступлений в «Мертвых душах» Гоголя...» Но вспомним хотя бы одну строчку этого стихотворения: «Все пройдет, как с белых яблонь дым...». Уж не те ли яблони в саду у Клычковых возникли в поэтическом воображении Есенина, когда он писал это стихотворение и думал о смысле жизни и быстро уходящей молодости?

Некоторые скажут: притянута! Но обратимся к С.А.Клычкову. И у него есть стихи о своем саде:

«Печаль, печаль в моем саду
Пришла тропой лесною...»

А сад мой цвел во всем году,

Теперь завял весною...»

Те же созвучные духу есенинского «Не жалею, не зову, не плачу...» строки мы встречаем в стихотворении Клычкова: «Лес шумит и шумит, опадая...», «Земная светлая моя отрада...» и др. Сергей Есенин не мог не знать этих стихотворений и вполне возможно, что это поэтическая переключка поэтов.

Но в то же время хочется верить, что частица впечатлений Сергея Есенина от посещения Дубровок присутствует в его замечательном лирическом стихотворении...

Есть еще одна версия, уточняющая дату пребывания С.Есенина в Талдомском крае.

Как известно, по своему географическому положению Талдомский район непосредственно граничит с Тверской областью. С.Есенин дважды посетил Тверь: в 1923 году в августе-проезде в с. Верхняя Троица Кашинского района и 9 июня 1924 г. для участия в вечере памяти А.Ширяевца.

Из воспоминаний Е.Шарова мы узнаем, что «Есенин приехал в значительный день, захватив с собой на концерт Петра Орешина, Сергея Клычкова и Николая Власова-Окского... около трех часов дня. Вечер окончился поздно...»

Из «Хроники С.Есенина» В. Белоусова видно, что еще 7 июня С.Есенин читал стихи в Большом зале консерватории, а до 12 июня возвратился в Москву. Возникает вопрос, где он был 8,9,10,11 июня и не мог ли он по пути в Тверь или из Твери заехать в Дубровку? Уже упоминавшиеся ранее Виталий и Валентин Клычковы вспоминают о гощении С.Есенина вместе с П.Орешиним в Дубровках у Клычкова (втор-

ем они были и в Твери) летом, около Троицына дня - (обычно его празднуют где-то в начале июня, неделя 8-я по Пасхе, в воскресенье).

Остались и документальные свидетельства встреч С.Клычкова и С.Есенина.

Это - две фотографии, сделанные поздней осенью 1918 года в Москве при посещении фотосалона компании Шерер и Наболец (Кузнецкий переулок). На одной - С.Клычков с С.Есениным, на другой с ними еще Д.И.Повицкий. Третий совместный снимок был сделан через шесть лет в мае 1924 года в Москве около Чистых прудов. На нем С.Клычков, поэт Иван Приблудный, С.Есенин, Н.В.Богословский. На обороте дарственной надпись: «Было пять друзей, один ушёл [А.Ширяевец - примечание автора]. Помни его и меня. С.Есенин Н. Богословскому. 23.05.1924 г.».

Можно сказать, и благодаря С.Есенину впервые записан голос нашего земляка поэта С.Клычкова.

Запись была сделана руководителем фонетической лаборатории Института живого слова профессором С.И.Бернштейном, который специально приехал в Москву, чтобы записать голос Есенина.

Произошло это 11 января 1922 года на квартире у Мариенгофа (ул. Москвина, д.5).

Когда записывали Есенина, в гости случайно зашел С.Клычков. Он прочитал два стихотворения. До нас дошла запись только одного: «Плывет луна, и воют волки...».

Интересно, что в одном из частных собраний в г. Москве хранится единственный на сегодня известный автограф С.А.Клычкова, адресованный С.Есенину. Вот эта записка, да-

тируемая около 1920 года, до отъезда С.Есенина за границу:

«Дорогой Сережа!

Я у Пимена взял единственный червонец, чтобы уехать. Сам понимаешь, что надо ему сегодня же часов в пять его возвратить. С.Клычков.»

Пимен - это, очевидно, писатель Пимен Карпов, с которым наши поэты общались до его отъезда в деревню, на родину, и вынужденного заточения там. Судя по тому, что С.Клычков в начале 1920-х годов обсуждает свою поездку с Есениным, они куда-то собирались ехать вместе. Возможно, в Тулу к Повицкому, а возможно и на родину С.Клычкова в д. Дубровки...

С.Клычков всегда очень тепло отзывался о С.Есенине. По воспоминаниям Виктора Панова, он часто повторял: «После Есенина мы есенята. Рязанский самородок на столетия. Травили его бездари». А писатель Николай Смирнов говорил, что «смерть Есенина потрясла Клычкова...Он долго лежал пластом на пороге Дома Печати, где стоял гроб Есенина...».

Эта трагедия случилась, может быть, и потому, что новокрестьянские поэты одними из первых выступили в защиту родной природы, родной деревни.

«Мы отошли с путей природы...
И нет ни троп уж, ни дорог,
Где человек бы встретил Бога
И человека - Бог!»

(С.Клычков)

Милый, милый, смешной дуралей,

Ну куда он, куда он гонится?

Неужель он не знает, что живых коней

Победила стальная конница?

(С.Есенин)

Литературовед Н.В.Банников отмечал: «По манере письма, по краскам, стихи Клычкова из всех поэтов сельской «купницы» ближе всего к Есенину. Недаром Сергеем Тимофеевич Коненков - верно или неверно - считал Клычкова предшественником Есенина. Такое сближение знаменательно: у обоих у них текла и пенилась доверительная, ласковая, полная любви к человеку и мирозданию поэтическая струя. Славянская сердечность, светлый взгляд на божий мир окрашивает лирику Клычкова и Есенина.

Эта по-своему оптимистическая нота их стихов особо прочувствована читателями...

И она внесла какую-то радость и бодрость, солнечное тепло в духовную культуру всего нашего столетия, несмотря на трагизм многих страниц в творчестве поэтов...».

Трагична была судьба всех новокрестьянских поэтов. Многие томились в застенках, некоторые, как

С.Клычков и Н.Клюев, были расстреляны. Как бы предчувствуя трагизм эпохи, Н.Клюев в «Плаче о Сергее Есенине» (1926 г) пишет:

«Мы свое отбавили до срока -
Журавли, застигнутые вьюгой.

Нам в отлет на родине далекой
Снежный бор звенит своей кольчугой...»

Но звенят их песни на Руси, возрождается память о Сергее Клычкове, Сергее Есенине, Николае Клюеве... Открываются новые музеи, проходят научные конференции, литературные праздники на родине поэтов. Недаром С.Клычков говорил: «Русская поэзия - такая штука, которую ни Соловками, ни приказами не задушишь. Живы ростки, посеянные нами - Есениным, Клюевым, Клычковым. Я знаю, что в народе ходят могучие, растущие...»

«О товарищах веселых,
О полях посеребрённых
Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединенных.»
(С.Есенин)

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ КЛЫЧКОВА

Я сгораю дотла.
Мне осталось немного.
Как темна, как светла
В путь последний дорога...
В эту осень уйти,
Раствориться с дождём...
Что же там, впереди,
И чего мы все ждём?
Забросает октябрь
Позолотой берёз.
Алой кровью рябин
Растревожит до слёз.
Что успел, не успел...
Смерть подводит итог.
В приговоре: «расстрел»,
Пуля метит в висок...
Как тебя схоронить?
С кем тебя отпевать?
Помрачнеет отец,
Разрыдается мать...
Две жены, две судьбы...
Обе дороги, близки...
Не сумел передать
Им предсмертной записки...
Сын остался и дочь...
В пять, в четырнадцать лет...
Кто им сможет помочь?
Ведь тебя уже нет...
Но воскреснут стихи,
Раз судьба горяча.
На каноне в помин
Разгорится свеча.
Ты вернётся, ты – здесь!
Вот он, в камне – Клычков!
Будут в Вечности жить
Все собранья томов,
Будут вечно звучать
Проза, песни, стихи...
Только в памятный день
Станут звёзды тихи.
Лягут астры на грудь,
Зацветёт георгин.
...Постоим, помолчим
Мы под шёпот рябин.